

Елена
Михалкова

Жизнь
на

ружьем
солнцем

Елена Ивановна Михалкова

Жизнь под чужим солнцем

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167554

Жизнь под чужим солнцем: АСТ; М.; 2013

ISBN 978-5-699-29284-4

Аннотация

Как избавиться от рутины? Конечно же, съездить отдохнуть на море, поваляться на песке и погреться на ласковом солнышке! Но кто бы мог подумать, что это идиллия обернется убийством не когонибудь, а соседки по номеру. И Даше придется разбираться в запутанном деле. Ведь может быть она следующая жертва?!

А приглянувшийся молодой человек – тот самый убийца?!

Читайте об этом в детективном романе Елены Михалковой «Жизнь под чужим солнцем».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	65
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Елена Михалкова

Жизнь под чужим солнцем

Глава 1

Яркий красный мяч качался в синих-синих, неправдоподобно синих волнах, напоминая картинку из чудесной детской книжки со стихами, которые папа читал ей под торшером с голубым абажуром. Тень от абажура падала на страницы книги, и море оживало, и она все время, что лежала на пляже турецкого отеля, вспоминала ту ожившую картинку, которая теперь казалась ей в тысячу раз лучше, чем настоящее море.

Она ненавидела Турцию. Ненавидела. Не-на-ви-де-ла.

«Даша, – сказала ей мама, – тебе нужна перемена обстановки. Отдохни, успокойся, пофлиртуй с кем-нибудь, в конце концов. Поезжай».

Действительно, перемена обстановки была бы очень кстати, но ведь подразумевалось, что обстановка будет меняться на ЛУЧШУЮ, никак не наоборот. А из этой поездки, о которой Даша уже успела несколько раз пожалеть, вырисовывалось нечто совершенно непонятное.

Неприятности начались еще в аэропорту. Когда они с Алиной, уставшие от четырехчасового перелета, от сидения

в неудобной позе в стареньком «Иле», от шумных пассажиров на соседнем сиденье («Ой, девушки, а вы в каком отеле остановитесь? Ну, ждите в гости, навестим!»), наконец попали в здание турецкого аэропорта, то были уверены, что через час, максимум полтора, уже будут в своем номере распаковывать вещи. Во всяком случае, так обещал им представитель компании «Отдых-класс», которую рассерженная Алина несколько раз помянула недобрым словом. Когда, оказавшись на турецкой таможне, они увидели огромную очередь к четырем окошкам, Даша ахнула:

– Господи, Алина, сколько людей! Они что, все русские?

– Да нет, конечно, ты прислушайся и посмотри на них.

Действительно, Даша тут же уловила в общем потоке шума итальянскую и немецкую речь. В основном все-таки немецкую, определила она. А оглядевшись вокруг, подумала: «Похоже, в Турции отдыхают только русские и немцы». Огромная толпа с сумками и детьми пыталась упорядочить саму себя и выстроить очереди к таможенникам. То и дело в толпе раздавалась сдержанная ругань, очереди перемещивались, а тем временем из терминалов появлялись все новые и новые туристы.

– Эй, парни, давайте сюда! – крикнул в сторону здоровый красномордый мужик, которого Даша запомнила еще по самолету. Он сидел недалеко от них, без конца требовал у стюардесс долить ему спиртного, и приятели уважительно обращались к нему «Василь Семеныч».

– Смотри, – заметила Алина, – немцы без восторга восприняли очаровательную русскую привычку кому-то одному занимать очередь, а потом с криком «они со мной» тащить к себе весь состав самолета.

– Насчет всего самолета не уверена, – рассмеялась Даша, – но в основном ты права. Может, и нам с тобой примазаться к кому-нибудь?

– Фи, Даша, ты же относительно интеллигентная девушка, – фыркнула Алина. – Откуда такой жаргон? Во-первых, обременять мы никого не будем, дождемся своей очереди, а во-вторых, посмотри-ка, кажется, итальянцы положили конец русской халяве.

Даша молча проглотила «относительно интеллигентную девушку» и вынуждена была признать правоту Алины. В конце соседней очереди, уже почти подойдя к заветному окошку, молодая итальянская пара скандалила с другой группой русских парней, пытавшихся пройти за одним из своих приятелей. Итальянец быстро и очень раздраженно говорил что-то, обращаясь ко всей компании сразу, те в ответ пожимали плечами и показывали на своего товарища, махавшего им рукой из-за таможенной будки. На чьей стороне перевес, Даше было совершенно очевидно: уже двое парней с невозмутимыми физиономиями протиснулись к окошку таможенника и доставали документы. Но тут вмешалась девушка-итальянка. Не сказав ни слова ни своему другу, ни парням, она торопливо подошла к турку в форме, безучастно

стоявшему около стены, и что-то произнесла. Даша с интересом следила за результатом. К ее удивлению, полицейский подошел к спорящим, двумя взмахами руки предложил Дашиним соотечественникам разойтись и подвел итальянцев к окошку регистрации. Те двое, что уже достали паспорта и билеты, попытались изобразить на лицах праведное возмущение, но чиновник за окошком вернул им документы и, не обращая на них внимания, занялся итальянцами. Помявшись некоторое время, парни побрели в конец очереди.

– Вот так-то вот, – задумчиво произнесла Алина. – А еще говорят о пофигизме турок.

У Даши язык чесался сказать что-нибудь про пофигизм и жаргон, но она промолчала. Недолгое знакомство с Алиной уже научило ее не спорить с приятельницей, тем более что и приятельницей-то она была весьма условной.

После двух часов стояния на таможне Алина с Дашей наконец-то получили свои проштампованные паспорта и отправились искать фирменный автобус. Большие красные буквы «Отдых-класс» первой заметила Даша.

– Смотри, какой автобус большой, – удивилась она. – Неужели столько туристов в один отель едет?

Алина нахмурилась и ничего не ответила. В автобусе было полно свободных мест, и когда они сели, выяснилось, что теперь водитель будет ждать всех остальных туристов, которые в настоящий момент еще проходят регистрацию.

– Послушайте, – возмутилась Алина, – это же еще как ми-

нимум час!

– Он делает то, что ему говорят, – отозвался хмурый мужик, о чем-то разговаривавший с водителем по-турецки. – Хотите выяснять отношения, идите вон к тем ребятам, – и он показал на светловолосую девушку лет двадцати и сутулого полноватого парня чуть постарше, стоявших недалеко от автобуса.

Алина вышла из автобуса, подошла к парочке и о чем-то поговорила несколько минут. Даша видела в окно, как она пожалала плечами, повернулась и пошла обратно к автобусу.

– Бесполезно, – сказала она, усаживаясь рядом с Дашей на первый ряд кресел, – пока не посадят всех, автобус не поедет. Они, конечно, предлагают взять такси за свой счет и доехать самим, но честно предупреждают, что фирма не будет оплачивать расходы. Кстати, если ты думаешь, что мы едем только в нашу «Сафиру», то ошибаешься: они набрали туристов как минимум еще в пять мест.

Быстро стемнело. Уставшая после перелета Даша то начала дремать, то просыпалась, когда в автобус поднимались шумные пассажиры, и дерганый полусон утомлял ее не меньше, чем утомляло бы бодрствование. В какой-то момент она посмотрела на часы: они сидели в автобусе уже час двадцать.

Наконец в автобус поднялась последняя пара, и симпатичная девушка-гид объявила отправление.

Автобус выехал из ночной Анталии и бодро покатил по гористой местности. Даша, никуда не выезжавшая дальше

Крыма, с любопытством смотрела в окно, но видела только яркие огни, сливавшиеся по мере того, как автобус набирал скорость, в размытые полосы.

Странно, но из семи отелей, у которых останавливался автобус, ни один не обладал полным сходством со своими изображениями на глянцевых рекламных проспектах, которые Даше в огромных количествах демонстрировали в офисе «Отдых-класса» в Москве. И вместе с тем было совершенно очевидно, что отели те же самые. Но в одном случае фотография была сделана так, чтобы даже намек на пролежавшую рядом шумную дорогу не попало в объектив. В другом на снимке был «небольшой, тихий и уютный отель», но без своего соседа – шестизвездочного гиганта, в котором оглушительно играло что-то залихватское. То вдруг выяснялось, что у отеля, лампы и гирлянды которого блистали на фото всеми красками радуги, в реальности из освещения оказывался лишь фонарь у входа, а штукатурка на стенах отеля была готова раскрыть вам все тайны старинного турецкого зодчества прямо здесь и сейчас.

– Слушай, просыпайся. Кажется, подъезжаем, – толкнула Даша Алину.

– Неужели «Сафира»? – приподняла та взлохмаченную голову с надувной подушки, и Даша в очередной раз позавидовала цвету ее волос – пепельных, неуловимо меняющих оттенки с серебристого на светло-русый. Причем как-то сразу становилось понятно, что это не очередное достижение

колористов компании «Велла», а свое собственное сокровище.

– Внимание, отель «Сафира»! – раздался усиленный динамиками голос девушки-гида. – Пожалуйста, не забывайте свои вещи.

Потягивающиеся туристы вышли из автобуса, и Даша обратила внимание на группу, возглавляемую Василь Семенычем: они тоже покинули салон и теперь пристально рассматривали небольшое здание отеля. «Надеюсь, они поселятся не в соседнем номере», – мысленно пожелала Даша и, подхватив небольшую сумку, вошла вслед за гидом в холл.

– Пожалуйста, встаньте около ресепшена, – громко сказала гид по имени Маша, – и приготовьте паспорта и билеты. Завтра утром я приеду посмотреть, как вас расселили, а пока желаю всем удачной первой ночи в Турции.

Нестройный хор голосов бодро ответил «спасибо», кто-то пытался неудачно пошутить про первую ночь, и группа осталась предоставлена самой себе. Неприятности начались с первой же пары, которой улыбающийся клерк предложил номер в подвале. Дальше пошло еще хуже: кого-то поселили в двухместном номере вместо трехместного, кому-то достался номер с неработающим душем... На все попытки «качать права по-русски» турок недоуменно разводил руками и делал круглые глаза. Попытка Алины поговорить с ним по-английски успехом не увенчалась.

– Все он понимает, – сказала разозленная Алина, подходя

к Даше, – просто притворяется поленом.

– А почему вообще возникли проблемы с номерами? – шепотом спросила Даша. – Посмотри, туристов в холле не так уж и много.

– Господи, Даша, а сколько же еще их должно быть в первом часу ночи? Все по своим номерам сидят. Как я поняла из объяснения этого гоблина, получилась накладка: нас привезли, а предыдущая группа еще не успела уехать. Поэтому пока нас вроде бы расселяют в какие-то запасные номера, а потом переселят в нормальные. Во всяком случае, именно это обещает администрация гостиницы. А всем несогласным, кому места не достаются, они предлагают подождать в холле, когда номера освободятся. Как тебе такая перспектива?

– Не очень, – вздохнула Даша. – Ладно, давай посмотрим, куда нас денут.

К ее недоумению, носильщик вынес их вещи из холла и отправился вдоль по улице.

– Слушай, он не обратно к аэропорту пешком пошел? – негромко спросила Даша у Алины.

– Да нет, – отозвалась та, – скорее всего, здесь рядом или какой-то корпус, или вообще другой отель, с которым у «Сафиры» договоренность по поводу вот таких, как мы. Сейчас все увидим.

Носильщик подошел к белому зданию, на котором красовалась надпись «Kotrei», вошел во внутренний дворик и начал подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Дой-

дя до второго этажа, он широким жестом обвел здание отеля, видимо, предлагая восхититься красотами турецкой архитектуры.

– Ты давай номер нам показывай, – заметила невежливая Алина, – а не комаров разгоняй. На лачугу мы еще успеем за двенадцать дней насмотреться. Вот черт, у нас еще и номер крайний.

Парень открывал крайнюю дверь с номером девять.

– А почему это плохо? – удивилась Даша.

– Да потому, что возле нашей двери лестница, по ней постоянно будет кто-то топтать, будут падать и орать чьи-то дети. Короче, все мне не нравится.

Алина зашла в номер, осмотрелась и кивнула носильщику на дверь. Тот положил ключи на полку и вышел.

– Разве мы чаевые не должны были ему дать? – робко поинтересовалась Даша. – Он ведь наши сумки по всему кварталу нес.

– Да хоть по всему городу! – сердито отозвалась Алина. – Я вообще не собираюсь оставлять в таком паршивом месте лишние деньги.

Даша промолчала и принялась осматривать номер.

Это был самый обычный, однокомнатный номер с большим окном и балконной дверью, со стандартным набором мебели: стул, кресло, телевизор, холодильник и, конечно же, кондиционер, без которого в здешнем климате о комфорте можно было забыть.

Как и в большинстве обычных гостиничных номеров, на стенах висели картины, которые не назовешь безвкусными, но которые навсегда исчезают из памяти сразу же, как только выходишь за дверь. Как и в большинстве обычных гостиничных номеров, менее всего была продумана ванная комната – зеркало присутствовало, но чтобы в него взглянуть, приходилось склониться в церемониальном китайском поклоне, полочка под косметику по размерам могла уместить лишь тюбик с зубной пастой, а шторка перед ванной и вовсе отсутствовала.

Последнее обстоятельство почему-то расстроило Дашу больше всего. Даже ночная дискотека, канонаду которой тонкие стены и еще более тонкая дверь номера и не пытались приглушить, не повергала ее в такое отчаяние. Даша не могла представить себе, как можно мыться без шторки. Для нее это было равносильно появлению обнаженной в зале посреди приема – был в одном из старых хороших фильмов такой эпизод. Одна мысль о том, что все следующие десять дней ей придется принимать душ подобным образом, немедленно вогнала ее в краску.

Однако уставшее после перелета и долгого сидения в автобусе тело требовало внимания. Перебросившись с Алиной несколькими фразами, Даша прикрыла за собой дверь в ванную и воровато, как ей показалось, открыла воду.

Душ подействовал менее освежающе, чем обычно. Собственная кожа показалась Даше после душа севшей на

полразмера.

А вот постельное белье было на удивление мягким и приятным. Повалившись на кровать, Даша попыталась убедить себя, что она уже спит. Обычно такой аутотренинг помогал – организм сам с удовольствием попадался на нехитрую наживку и, казалось, только и ждал того момента, когда ему скамандуют притвориться спящим. Обычно, но не сегодня. Сначала в мозгу возник образ белого попугая, орущего «Пиастры! Пиастры!», затем попугая прогнал африканский шаман, что-то кричащий Даше на непонятном языке и бьющий в бубен. Даша не сразу поняла, что удары бубна и вопли шамана есть не что иное, как звуки, доносящиеся из динамиков дискотеки и на самом деле являющиеся обрывками какой-то модной песни, сводившей нынешним летом с ума всю московскую молодежь.

Пришлось выбираться из постели, не включая свет, искать беруши, устраивать их поудобнее и опять пытаться договориться с собственным мозгом относительно того, кто же из них двоих спит. Наконец под звуки очередной зажигательной мелодии она действительно уснула.

* * *

Когда Даша открыла глаза, то первым, что увидела, было ее собственное полотенце. Спутать невозможно – коллеги подарили его на Восьмое марта, и оно ей очень нрави-

лось. На нем был изображен какой-то китайский зверек, не имеющий аналогов в природе, но, по случайному стечению обстоятельств, очень напоминавший саму Дашу – пушистая шерсть, торчащая в разные стороны, большие серые глаза, робкая мордочка, взгляд открытый и вопросительный. Конечно, карикатура на нее, но очень верная и совсем не злая. Да и полотенце оказалось неплохим, к тому же напоминало о тех хороших временах, когда у нее еще была работа и ироничные подарки на Восьмое марта от коллег. И вот теперь этим полотенцем Алина сушила голову перед зеркалом.

– Проснулась? – обернулась она к Даше. – Слушай, здесь в номере полотенце нормальных не предусмотрено, так я твое позаимствовала. Ты не в обиде? Оно здесь быстро высохнет. Собирайтесь, мадам, и отправляемся завтракать и изучать сие прекрасное место.

Даша вздохнула, встала и пошла одеваться. Зайдя в ванную комнату, она прогнала с раковины какое-то местное насекомое, по виду совершенно безобидное, умылась и автоматически вытерлась висевшим на сушилке полотенцем. И только потом заметила, что оно с символикой отеля.

– Алина, что ты говорила про полотенца? – вышла она из ванной. – Вот же, смотри, есть, и очень даже неплохие.

Алина поморщилась.

– Девочка моя, общественными полотенцами я могу в лучшем случае ноги вытереть, но никак не голову, да и тебе не советую. Еще подхватишь какую-нибудь местную, пар-

дон, инфекцию.

Даша аккуратно повесила полотенце на место и обернулась к Алине.

– Алина, – осторожно подбирая слова, начала она, – давай с тобой сразу договоримся. Во-первых, если ты берешь мои вещи, то хотя бы согласуй со мной заранее, а не постфактум. Во-вторых, я далеко не всегда разделяю твои взгляды, и, пожалуйста, советуйся со мной, если, например, ты не даешь чаевых, и во всех подобных случаях. В-третьих, мне не нравится обращение «девочка моя», о чем я тебе говорила еще в Москве. И мне не хочется начинать наш с тобой отдых с нравочений и выяснения отношений, поэтому, пожалуйста, отнесись серьезно к тому, что я говорю. И, пожалуйста, не бери больше это полотенце. Если у тебя нет своего, могу дать другое. – Она забрала «китайского ежика», как она его называла, из рук молчавшей Алины и вышла на балкон.

Замечательно. Чудный, восхитительный, изумительный вид на пыльную серую дорогу и несколько грязных магазинов, в которых висит местный ширпотреб. И стоило ехать в Турцию, чтобы любоваться таким пейзажем? «Стоп, – сказала Даша самой себе, – перестань ныть. Сейчас к тебе подойдет Алина, извинится, и вы вдвоем отправитесь завтракать, а потом купаться в море. Ради моря можно стерпеть все, что угодно, тем более такую ерунду, как унылый вид из окна».

Сзади раздались легкие шаги, и Даша улыбнулась про себя.

– Ладно, девочка моя, насчет полотенца учту, – раздался Алинин голос, который Даша, любившая присваивать звукам цвета, почему-то воспринимала как голубоватый с сиреневым оттенком. – Кстати, откуда ты нахваталась умных слов типа «постфактум»? Ладно, можешь не отвечать, знаю, что от меня. Пойдем, а то наши все сожрут.

Ну что ж, решила Даша, будем считать ее слова извинением. Может, Алина просто по-другому не умеет. «И не забывай, – сказал ехидный внутренний голос, – вы с ней не подруги и даже не приятельницы. Ты сама затеяла совместную поездку и будешь расхлебывать, если что». Да ну тебя, отмахнулась Даша от него, повесила полотенце на веревку и отправилась одеваться к завтраку.

Через два часа они лежали на берегу моря, и Даша с восторгом смотрела на волны. Они были синие. Боже мой, подумала она, зачем нужны какие-то сложные слова, описывающие оттенки, если есть такое простое и прекрасное слово – синий. Синее море, синее небо... Почему-то в детстве, когда папа с мамой вывозили ее в Крым «на лечение», она воспринимала море без особого восторга, просто как большую массу воды. Говоря откровенно, озеро рядом с их деревней с чудесным названием «Бабушкино» казалось ей во много раз интересней, к тому же на нем не было пугающих волн, зато были головастики и лягушки. Но сейчас она понимала, что мама была права, и Море (именно так, Море с большой буквы) – как раз то, что ей нужно. «Жалко только, что так

много людей на пляже, – подумала она, – слишком шумно. Хотя они не мешают».

Бац! Надувной мяч стукнул ее по лбу. Даша вскочила с лежака и увидела загорелого парня со светлым ежиком волос на голове, вперевалку подходящего к ней.

– Не убили? – лениво протянул он, наклоняясь за мячом. – Заигрались в волейбол, а тут вы валяетесь.

Вместе с утренним поведением Алины это было чересчур даже для Даши.

– Вы так прощения просите? – со злостью в голосе отозвалась она. – Проваливайте отсюда вместе со своим мячом.

– Эй, а зачем так грубо? – поинтересовался волейболист.

– Так, что здесь происходит? – раздался голос Алины, которая возвращалась от бара с двумя стаканами сока. – Ага, понятно. Молодой человек, если вы не хотите неприятностей, играйте подальше отсюда. Даш, я тебе взяла яблочный, абрикосового не было. – Алина протянула Даше стакан, в котором плескалось маленькое золотистое море.

– Ага, значит, вы – Даша. – Волейболист несколько не смутился. – А я – Николай, для вас просто Коля. А вас, девушка, как зовут? – повернулся он к Алине.

– Послушайте, просто Коля. – Алина поставила сок около лежака и начала доставать из сумки крем от загара. – Я понимаю, что ваша задача – развлекать туристов, но мы в ваших услугах не нуждаемся. Я понятно выражаюсь?

– Зря вы так, девушка. – Николай заинтересованно смот-

рел на Алину. – Может, мои услуги вам еще очень даже пригодятся. Если передумаете и захотите общения – я буду или на площадке, или около первого бассейна. Надеюсь, до скорой встречи! – Парень зачем-то отряхнул мяч от песка и побежал обратно к площадке.

– Алина, как ты определила, что «просто Коля» развлекает туристов? – спросила удивленная Даша. – Я подумала, что он обычный отдыхающий.

– Да по нему сразу видно, что аниматор, – пожалала плечами Алина, сосредоточенно втирая крем в безупречной формы ноги. – Во-первых, загар слишком сильный для туриста, за десять дней не успеть так загореть. Да и за две недели тоже. Во-вторых, отдыхающие так не разговаривают. Я даже не могу тебе объяснить, в чем разница, просто я ее чувствую.

Даша понимала: в чем в чем, а вот в чутье Алине нельзя отказать. За время совместного выбора тура и относительно недолгого перелета она убедилась в этом. Алина почти безошибочно определяла род занятий мужчин, которые заговаривали с ними, с лету могла сказать, кто москвич, а кто нет, у кого есть семья, а кто находится «в свободном поиске».

– А почему ты его так... – Даша замялась, – отшила? В конце концов, он ведь мне попал мячом по голове, а не тебе.

– Даша, ты такая наивная девочка! Он из обслуживающего персонала, понимаешь? Хуже его могут быть только турки, а хуже турок – те турки, которые работают обслуживающим персоналом. Если ты будешь с ними вежливой, они мо-

ментально теряют чувство дистанции.

– Ну да, а если не будешь, то сразу становятся хамами. Я на себе проверяла, – грустно заметила Даша.

– Тебе не нужно быть ни вежливой, ни невежливой, – нравоучительно объяснила Алина. – Тебе нужно быть отстраненной. Ну, как если бы ты общалась с пылесосом, понимаешь? О какой вежливости применительно к пылесосу или к посудомоечной машине может идти речь?

Даша задумалась. Посудомоечной машины у нее не было, и она плохо представляла себе, как та выглядит. Но имелся в наличии пылесос, который ее мама обозвала «Ума Турман»: будучи включенным, он начинал завывать совершенно по нотам припева известной песни, которую исполняли двое молодых симпатичных ребят. Правда, пропевшись, он начинал хорошо пылесосить, и Даша каждый раз просила его: «Миленький, ну не пой больше, соседи пугаются». Она была с ним вежливой, вот в чем вся штука.

Даша полежала еще немного, встала и пошла к морю. Оно и вблизи было такое же синее. Ничего не менялось.

Глава 2

По мнению Даши, кормили в «Сафире» вкусно, по мнению Алины – отвратительно.

– Ты только посмотри на салаттики! – восхищалась Даша, в памяти которой были еще живы те обеды и ужины, которые предлагал советский пансионат «Буревестник».

В детстве, когда родители привозили ее в пансионат, она первым делом срывала несколько веток незрелого еще орешника и делала «беличий запас», как называла мама. На случай голода, объясняла маленькая Даша. Пансионат ассоциировался у нее не столько с чудесными хвойными лесами, в которых они, искусанные комарами, собирали чернику и землянику, сколько с запахом столовой, который она терпеть не могла, – запахом, которым пропитывались, как ей казалось, даже волосы. Пахло лапшой. А еще грязными тарелками и какой-то жутко невкусной едой. Вкусным был только сыр, которым посыпали сверху бесконечные макароны. Даша аккуратно снимала его вилкой и съедала, а макароны и суп оставляла. Даже мама, дома заставлявшая ее съесть все до последней крошки, ничего не говорила на это.

А здесь, в отеле, они питались «со шведского стола». Даше представлялись высокие, белокурые шведы, которые наготовили много всего вкусного и расставили в серебристых чанах.

– Ту же самую еду, только более вкусно приготовленную, ты можешь получить в любой питерской забегаловке, – высокомерно замечала Алина. Она была родом из Питера, прожила там почти всю жизнь и в Москву переехала только после развода с мужем.

– В питерской забегаловке совсем не то, – возражала Даша, объедавшаяся любимыми баклажанами, которые сама готовить не умела. – В питерской забегаловке еда наша, родная, а здесь заграничная, поэтому вкуснее.

– Сказывается, моя дорогая, то, что у тебя первый вояж за пределы нашей родины. Ты слопаешь все, что тебе ни подадут, и будешь растопыривать уши от удовольствия. Вот примерно как сейчас.

– Буду, – миролюбиво соглашалась Даша, пытаясь скосить глаза на свои уши.

Алина начинала смеяться, и тема еды прекращалась до следующего ужина.

Несколько раз Даше хотелось сказать Алине, что ей неприятны такие шутки, но каждый раз она сдерживалась. И объясняла самой себе так: «Не хочу портить отношения». Но правда заключалась в другом – она просто-напросто побаивалась Алину. Даша от природы была мягкой и уступчивой, из себя выходила только в крайних случаях.

«Дашка, тебе просто необходимо учиться стоять на своем, – вздыхала ее мама. – Из тебя же веревки выют все кому не лень! Или мозги пудрят, а ты и рада».

«Да никто из меня веревок не вьет и ничего не пудрит!» — отбрыкивалась Даша, отлично понимая мамину правоту. Господи, да взять хоть Андрея...

Они начали встречаться, когда ей было двадцать два, а ему тридцать. Красивый, умный, очень обаятельный, Андрей долго ухаживал за Дашей, которая никак не могла поверить, что такой красавчик интересуется ею всерьез. Красавцев она побаивалась и старалась держаться от них подальше, однако от Андрея держаться подальше никак не получалось: он регулярно звонил, приглашал Дашу на концерты и в кино, дарил цветы, причем не стандартные бордовые розы в целлофане, а изысканные, со вкусом подобранные букеты. В общем, «вел осаду по всем правилам», как говорила мама. И в конце концов крепость пала: Дашка поверила, что ему, солидному взрослому мужику, нужны серьезные отношения, а не легкий, ни к чему не обязывающий секс.

Она не знала, как называть Андрея, и долгое время тушевалась, когда нужно было представлять его приятельницам или случайно встреченным знакомым. «Мой парень»? Но Андрей был далеко не парнем, да и звучало это как-то глупо. «Мой друг»? Другом Дашки, именно другом, а не подругой, была Валька Малявина, с которой они были знакомы с детского садика, а потом учились вместе в институте, и применить то же слово, которым она называла Малявку, к Андрею казалось совершенно невозможным. «Мой жених»? Но Андрей не делал ей предложения, не говорил о совмест-

ных планах на будущее, да и сама Даша не ждала ничего такого от него. Она просто наслаждалась каждой минутой их встреч, потому что минуты выпадали не так уж и часто: Андрей был архитектором, довольно известным и востребованным, искренне увлеченным своей работой, и времени на личную жизнь у него оставалось не очень много.

Он снимал квартиру в одном из старых районов Москвы, и по утрам в выходные Даша смотрела из окна на белокаменную церковь, рядом с которой зеленел маленький сквер. Плыли облака, ворковали на крыше голуби, на кровати за ее спиной сопел Андрей, уткнувшись в Дашину подушку, и ей казалось, что счастье будет всегда.

Счастье закончилось в прохладное июльское воскресенье, около полудня, когда дверь квартиры открылась и, пряча ключи в сумочку, вошла броская женщина лет тридцати в дорогом плаще, а за ней – темнобровая девочка с заспанными глазами.

– Вера, сними ботинки, – сказала женщина, скользнув взглядом по оторопевшей Даше. – И пойдти разбуди папу, наверняка он еще спит. Он ведь спит? – обратилась она к Даше, и та только молча кивнула.

Девочка протиснулась мимо нее в комнату, и оттуда через полминуты раздался изумленный голос Андрея:

– Господи, Веруня приехала! А где мама?

– Здесь мама, – отозвалась женщина, сбрасывая плащ. – Ты почему нас не встретил? Пришлось в вонючем такси тря-

стись, а ты же знаешь, как я не люблю в чужих авто ездить. Верку укачало, разумеется.

Она прошла в комнату следом за дочерью и начала что-то говорить. Андрей отвечал, время от времени вставляла замечания девочка, а Даша стояла в коридоре и тупо смотрела на свои туфли. На носу одной туфли отпечатался грязный след рифленой подошвы – девочка Вера прошла ботинком по Дашиной обуви. Даша присела, полрой юбки протерла туфлю, потом обулась, накинула висевшую на вешалке тонкую рубашку и тихо вышла из квартиры.

– Даша, милая, да мы с ней разводимся!

Спустя неделю она сидела с Андреем в кафе и пыталась что-то расставить для себя по полочкам. Андрей никак не мог понять, в чем проблема и почему из того, что в его жизни имеются бывшая жена и дочь, Даша делает трагедию.

– Мы разводимся! Развелись бы раньше, если бы Милка не торчала по заграницам. У нее родители в Чехии, она в Москву наведывается по нечетным пятилеткам. Да что с тобой? Ты вздумала меня к бывшей жене ревновать? Глупенькая моя...

Он ласково погладил Дашу по руке.

– При чем здесь ревность? – покачала головой Даша. – Я не понимаю, Андрюша, мы с тобой уже год встречаемся, и ты мне ни разу – ни разу! – не говорил о родной дочери. Как так можно? Ведь вы же виделись, она приезжала сюда... И жена твоя приезжала...

– Бывшая, – быстро вставил Андрей. – Мы только формально муж и жена.

«А мы с тобой формально кто?» – хотела спросить Даша, но не спросила. Она смотрела на белые завитки крема на пирожном, которое заказала неизвестно зачем, и вспоминала воркование голубей под крышей.

– Андрей, вот ты обо мне все знаешь, – подумав, сказала она. – Про институт, про работу, про маму с папой. Ты и с Валькой Малявиной, моей подругой, виделся много раз. А я про тебя ничего не знаю.

– Да не выдумывай ты... – начал было Андрей, но Даша его остановила:

– Ты можешь мне объяснить, почему ты мне за год ни разу не сказал о том, что у тебя есть ребенок? – спросила она, подавшись к нему. – Андрей, пожалуйста, объясни! У меня просто в голове такое не укладывается. Есть же какая-то причина!

Он пожал плечами:

– Ну если ты так настаиваешь... Я просто считал, что это касается только меня.

– Он сказал, что это касается только его, – ревела Даша на плече у Вальки Малявиной, вытирая слезы ароматизированными бумажными платочками, которые подсовывала та. Вокруг нее лежало уже с полдюжины скомканных платочков, пахнущих яблоками, и казалось, что в комнате пролили средство для мытья посуды.

– Дашка, но он во многом прав, – рассудительно говорила Валька. – Он взрослый человек, у него своя жизнь, и он не обязан делиться с тобой всеми ее подробностями.

– Ничего себе подробность! – всхлипнула Даша, комкая очередную бумажку. – Этой подробности уже лет десять!

– Значит, она не имеет для него большого значения, – пожала плечами Валька. – Многие мужчины не считают родных детей важной частью своей жизни.

Слезы у Даши неожиданно высохли. Она высморкалась в последний платочек, подобрала все остальные, сходила на кухню к мусорному ведру и вернулась обратно.

– Знаешь, Валь, а я не хочу встречаться с человеком, который не считает ребенка важной частью своей жизни, – сказала она, теребя в руках новую упаковку платочков. – Не хочу.

Андрей искал пути к примирению так же долго, как и ухаживал за Дашей. Он звонил, встречал ее с работы, пробовал разговаривать с ее мамой. Несколько раз к Даше заходила Валька и сообщала то, что просил передать Андрей. Даше было так тяжело видеть и слышать его, что в конце концов она взяла отпуск за свой счет и уехала на месяц в Бабушкино – прийти в себя и найти какое-то решение. Она возилась с цветами, ездила на велосипеде на речку, вместе с мамой собирала с крыжовника противных мелких гусениц... И к концу месяца твердо знала, что ей нужно – быть рядом с Андреем. «И плевать на его детей и бывших жен, на его отношение к детям и женам, – думала она, ожесточенно выпалывая сор-

няки из грядки. – Это его прошлое, а не мое, и он в самом деле не обязан со мной ничем делиться». Она чувствовала себя плохо без его звонков, без его мягких, необидных шуток, без его присутствия.

Она вернулась в Москву в конце августа и еще неделю набиралась смелости, чтобы позвонить. Бродила около телефона, ругая себя за трусость, выбирала подходящее время, чтобы не попасть на обеденный перерыв Андрея, просчитывала, что он может делать в ту или другую минуту. Наконец позвонила ему на сотовый и с удивлением выслушала сообщение о недоступности абонента. Позвонила вечером еще раз – с тем же результатом. Странно... Помнится, Андрей повсюду таскал свой маленький дорогой телефончик, говорил, что не хочет пропустить ее звонок из-за какой-нибудь глупости.

Даша позвонила в квартиру, которую он снимал, но тоже не дождалась ответа. Совсем растерявшись, не понимая, что случилось, Даша поздно вечером поехала к нему домой, надеясь, что с телефонами произошла какая-нибудь ерунда, Андрей их просто отключил, а сам сидит на диване живой и здоровый. И очень обрадуется, увидев ее.

Андрея дома не оказалось. Она напрасно нажимала на звонок, откликавшийся изнутри мелодичной трелью, напрасно из двора заглядывала в окна верхнего этажа, пытаясь разглядеть свет за задернутыми шторами. Света не было. Даша вернулась к себе, побродила по квартире и, решив, что придумает что-нибудь утром, улеглась спать.

Но утром ничего не придумалось. Был будний день, телефоны Андрея по-прежнему не отвечали, а снова ехать к нему казалось бессмысленным. Перебирая все возможные варианты и представляя себе Андрея в отделении какой-нибудь больницы, Даша запаниковала. Она позвонила Вальке Малявиной, запоздало подумав, что стоило бы сделать это раньше, но и Валька ничего не знала.

– Валенька, что же мне делать? – спросила бледная Даша, сидя с Валькой за столиком кафе. – Как мне его найти?

– А ты на работу звонила? – хмуро спросила Валька, которой нужно было работать, а не решать Дашины сложности.

– Я его рабочий телефон не знаю, – покачала головой Даша.

– Как не знаешь?

– Просто – не знаю, и все. Я всегда на сотовый ему звонила, рабочий был мне не нужен.

– Ну, мать, ты даешь, – покачала Валька коротко стриженной головой. – А телефон какого-нибудь его друга? Приятеля, коллеги? Твой Андрей ведь знает мой телефон, и адрес, кстати сказать, тоже.

– Валя, я вообще с его друзьями незнакома, – тихо сказала Даша. – Он про них не говорил. Иногда упоминал про коллег, но телефоны...

Она не договорила. Валька пару секунд смотрела на нее, потом решительно встала и потянула Дашу за собой.

– Вставай, поехали. Поехали, тебе говорят! А то так и бу-

дешь сидеть бледной короной... Тоже мне, ни одного телефона она не знает! Вставай, вставай!

– Куда поехали? Зачем? – робко спросила Даша, поднимаясь.

– К Андрею твоему на работу. Я же знаю, что ты одна постесняешься туда заявиться и спрашивать у сотрудников, где твой бесценный возлюбленный. Вот я с тобой и поеду в качестве... – Валька задумалась, – в качестве тягача. Отблагодаришь потом, причем коньяком.

Даша опустила обратно на стул.

– Ты чего? – рассердилась Валька. – Что такое?

– Я не знаю, где его работа, – сказала Даша, чуть не плача. – Валя, я не знаю!

Она и в самом деле не знала. Андрей очень мало рассказывал о своей работе и, как выяснилось, вообще о своей жизни, а Даша старалась не расспрашивать. Нет, она, конечно, очень интересовалась его проектами и, когда Андрей показывал ей чертежи и рисунки, рассматривала их с восторгом, задавая кучу вопросов. И ей в голову не приходило попросить показать его офис, а сам Андрей не предлагал. Про сотрудников он рассказывал скупно – она видела, что тема ему совершенно неинтересна. Ему была интересна Даша и собственная работа, а все остальные темы, на которые они беседовали, задавала она сама. Но теперь не было никакого проку от того, что думает Андрей о Толкиене или строительстве новых небоскребов вокруг Москвы.

– А родители? – спросила Валька, все еще не веря в такую потрясающую неосведомленность.

– Нет у него родителей, – с отчаянием сказала Даша. – Умерли. Он к ним на кладбище ездил иногда, я даже с ним была там один раз. Ну и что?

– Ничего, – отрезала Валька. – Не вызывать же нам духов предков. Знаешь, Дашка, ты такая... такая...

Даша сокрушенно молчала. Все ругательные слова в свой адрес она уже сказала сама, и Малявка ничего нового добавить не могла.

– Постой! – встрепенулась Даша неожиданно. – Андрей рассказывал, что кафе, в котором он обедает, называется «Три рыбака». Его фирма где-то в районе Китай-города, а там наверняка не так много кафе с таким названием.

Адрес кафе они быстро нашли через Интернет и через полчаса уже ехали в метро к Китай-городу. Искать ничего не пришлось – кафе они нашли сразу, а наискосок от него стоял небольшой красивый особняк с вывеской «Брельман и компания».

– Ты уверена, что нам нужен этот Брельман? – подозрительно спросила Валька.

– Конечно! Мне нужно было раньше вспомнить – Андрей ведь говорил название фирмы, просто оно у меня из головы вылетело.

Валька хотела что-то сказать, но сдержалась, и Даша была ей очень благодарна. Они уже подходили к зданию.

А через десять минут они вышли из него, и Даша присела на чистенький бордюр под липой. Валька осталась стоять, сочувственно глядя на нее.

– Ну ладно хоть, что живой, – вздохнула она наконец. – В конце концов, Чехия от нас не так далеко, можно сесть на поезд и доехать...

– Ага, – кивнула Даша. – А там я где буду его искать? На вокзале?

– Ну, он ведь наверняка оставил новый телефон сотрудникам. Можно вернуться, поспрашивать, попросить поделиться информацией...

Валя замолчала, глядя, как Даша ожесточенно мотает головой.

– Нет, Валенька, нельзя. Он ведь мне ничего не оставил, понимаешь? Ни записки, ни телефона... Просто взял и уехал работать в другую страну! Вот так... просто... взял и уехал...

Валька посмотрела на Дашу сверху вниз, махнула рукой и села рядом на бордюр. «Ирина Викторовна лаяться станет, если опоздаю, – мелькнуло у нее в голове. – Ну и черт с ней. Вот юбку, если испачкаю, будет жалко».

Даша увидела Андрея спустя год с небольшим, когда случайно заскочила на выставку самоцветов, чтобы выбрать подарок для мамы. Мама очень любила малахит, и Даша надолго застряла перед украшениями с узорчато-зелеными камнями, рассматривая кулоны, серьги, кольца и подвески. В конце концов выбрала чудный комплект, расплатилась и побе-

жала вниз по лестнице, чтобы в остаток обеденного перерыва успеть съесть что-нибудь маленькое и очень-очень сытное.

Кафе находилось в подвальчике, и Даша, войдя, сразу увидела Андрея. Он сидел за столиком у окна, боком к ней, а напротив него сидела красивая стройная женщина, по виду его ровесница, и разглядывала серебряный браслет. Она что-то сказала, и Андрей, наклонившись, ласково погладил ее по руке, а затем провел по щеке тем жестом, который Даша прекрасно помнила.

Он совершенно не изменился. Даше подумалось, что даже странно, насколько все в нем осталось прежним – жесты, движения, улыбка. И рубашка была похожа на ту, что он носил раньше, и прическа осталась такой же.

Андрей подал спутнице руку, вставая, и Даша поспешно шагнула назад, в тень лестницы. Но те двое были так увлечены друг другом, что она поняла – прятаться глупо. Поэтому медленно, не торопясь, поднялась по лестнице наверх, забыв про свой обед, и так же медленно пошла в сторону метро.

* * *

На третий день, за обедом, во время очередных наставлений Алины к их столику с подносами в руках подошли двое коренастых темноволосых мужчин и женщина.

– Простите, – обратился к Алине и Даше тот, которого Даша почему-то определила как начальника, – к вам можно

присоединиться? А то мы опоздали, и все места уже заняты. – Он обаятельно улыбнулся, и Даша невольно отметила, что его улыбка предназначалась в основном Алине.

– Конечно, – любезно ответила та, – нам будет только приятно. Давайте познакомимся, и, с вашего разрешения, я нарушу правила этикета. Меня зовут Алина, а мою подругу – Даша.

– Никита, – представился «начальник», – Никита Пронин. А это мой старший брат со своей женой.

Оплывшего жирком брата звали Борисом, его жену Аллой. Рассматривая братьев, Даша чуть не забыла о своих баклажанах и спохватилась только тогда, когда к их столику подошел официант, чтобы забрать тарелки. Даша замотала головой, а для верности взялась за край тарелки, ожидая очередного насмешливого замечания от Алины. Но та была увлечена разговором с Никитой и Борисом.

Братья были очень похожи внешне. Оба крепкие, с короткими темными бровями над карими глазами, широкими скулами и мясистыми подбородками. Но все сходство исчезало, как только братья начинали говорить – мимика у них была совершенно разная. Борис бросал реплики лениво, не глядя на собеседника, и уголки его рта безвольно опускались вниз, так что казалось, будто он очень утомлен беседой. Никита смотрел цепко, чуть изгибая губы в полуулыбке-полунасмешке, и весь казался собранным, энергичным. Алина сказала что-то, с чем оба брата не согласились, и Даша от-

метила их реакцию: Борис наморщил нос в презрительной гримасе, отчего лицо его стало похожим на собачью морду, а Никита нахмурил густые брови, что очень ему шло.

Даша прислушалась к разговору. Алла, Никита и Борис прилетели из Питера, где у Никиты был мебельный бизнес – как раз о нем и зашел спор. Спорили в основном Алина и Никита. Борис время от времени вставлял пару фраз, а его жена Алла не вмешивалась в разговор, глядя куда-то сквозь стекло с задумчивым видом.

Даша никогда не могла понять, о чем могут думать подобные женщины, и немного завидовала им. Маленькая, фигуристая, с аккуратной белой головкой и вкрадчивыми кошачьими повадками, она казалась иностранкой в их компании еще и потому, что с момента знакомства не произнесла ни слова. На ее шее загадочно поблескивал кулон с каким-то крупным темным камнем, подходящим по цвету к глазам Аллы. Неожиданно Борис что-то сказал Алине, та рассмеялась, и Даша с изумлением увидела, что на лице Аллы появилось странное выражение – легкая злая насмешка над чем-то, чего никто, кроме нее, не видит. Но через секунду оно исчезло, и перед Дашей снова сидела красивая ухоженная маленькая женщина с безразличным выражением лица.

– Слушай, – спросила Даша у Алины после обеда, когда они возвращались в свой номер, – тебе Алла не показалась немного странной?

– Да нет, обычная стерва, – усмехнулась Алина. – И нече-

го на меня так смотреть! Я тебе говорю истинную правду, до которой ты сама в жизни не додумаешься. Стерва, подцепившая богатого мужика и дрожащая над ним куда больше, чем пресловутая курица над потомством. Просто я, с ее точки зрения, представляю для нее угрозу, а ты нет – слишком безобидная. А вот с Никитой стоит познакомиться поближе. Кстати, я ему пообещала, что после обеда мы не пойдем к морю, а будем загорать у бассейна, и они к нам присоединятся. Так что у тебя будет прекрасный шанс понаблюдать нормального мужика, а не твоих... переводчиков, прости господи.

– Только он мне совершенно ни к чему, тот шанс, – сердито ответила Даша. – А насчет бассейна могла бы и со мной посоветоваться.

– Да вот я и посоветовалась, – невозмутимо отозвалась Алина. – А если тебе моя идея не нравится, можешь лежать у моря в гордом одиночестве, я пойму.

Так, это было что-то новенькое. Еще в Москве Даша и Алина договорились курортных романов не заводить, помогать друг другу отбиваться от назойливых кавалеров и держаться в основном вдвоем. Причем было очевидно, что Алина прекрасно отобьется от кого угодно и сама, а потому более зависимой оказывалась Даша. Кроме того, Алина ясно обозначила свое отношение к отдыху, на котором они и сошлись: «Никаких лиц мужского пола любой национальности. Не будем уподобляться изголодавшимся дурочкам в

ожидании климакса». Дашу несколько покорибила формулировка, но в целом она была с ней согласна.

И вот выясняется, что какие-то лица мужского пола все-таки будут присутствовать, более того – оказывать влияние на их отдых. Впрочем, подумала Даша, действительно можно полежать у моря одной, пока Алина устраивает свою личную жизнь.

– Давай через главный корпус пройдем, – попросила Алина, – я хочу посмотреть расписание экскурсий.

Они зашли в холл отеля и сразу услышали разговор на повышенных тонах.

– Смотри-ка, – удивилась Даша, – наши попутчики, с которыми мы в автобусе ехали. С кем, интересно, они ссорятся?

Алина и Даша подошли к тяжелым кожаным диванам, на которых расположилось человек пятнадцать отдыхающих. В центре, около стеклянного стола, сидели парень и девушка, в которых Даша узнала гидов, встречавших их около аэропорта.

– Ага, а вот и Маша слевой, – заметила злорадно Алина. – И хорошо, пусть отдуваются за свое безалаберное начальство.

Маша слевой отдувались по полной программе.

– Не понимаю, почему я два дня живу в номере, в котором нет горячей воды! – возмущенно кричала полная женщина с кудряшками. – Вместо обещанного вашей фирмой отдыха я

получаю сплошную нервотрепку!

– Да, и почему в нашем номере нет сейфа? – вступила в разговор высокая черноволосая девушка.

– О чем вообще вы думали, когда оставили тут нас одних разбираться с обормотами, которые притворяются, что ничего не понимают? – спросил худощавый сероглазый парень, подошедший после Алины с Дашей. – Вы же представители фирмы! Неужели не могли подождать пятнадцать минут? За это время все спорные вопросы могли быть решены. К тому же вы говорите по-турецки, и, как я понял, очень неплохо.

Даша с удивлением заметила, что Алина вздрогнула и начала медленно поворачиваться на голос.

– Алин, ты что? – дернула ее за рукав Даша.

– Ничего. Показалось, – сдержанно ответила та. – Давай послушаем, как гиды будут оправдываться. По правде говоря, они действительно виноваты в ситуации, с турок-то что взять.

Оправдания Маши и Левы больше всего напомнили Даше бормотание мирного и доброго алкоголика с первого этажа ее дома, дяди Вади, как звали его все в округе. Получив необходимую для дальнейшей жизнедеятельности дозу алкоголя, дядя Вадя возвращался домой, где его ожидала в полной боевой готовности жена, Мария Ивановна. Ее во дворе никто и никогда не называл тетей Машей. Грозный рык Марии Ивановны загонял в конуру даже дворового пса Байкала, а у дяди Вади вызывал то самое непрерывное бес-

содержательное лепетание, которое Даша узнавала сейчас в оправданиях Маши и Левы. Какой-то смысл в нем, безусловно, был, но для окружающих он не имел никакого значения.

– Так, заканчивайте свое мычание, – произнес кто-то среди сидевших, по-видимому, тоже уловив в речи гидов что-то дяди-Вадино. – Лучше сделайте что-нибудь толковое, например, расселите нас в другие номера.

– Да и вообще неплохо бы поселить в самую «Сафиру», – произнесла Алина, и все обернулись на ее голос, как всегда оборачивались, даже если она просто смеялась. – А то мы обитаем в каком-то совершенно непонятном месте с названием, больше напоминающим марку женских тампонов.

– Вас переселят уже завтра, – ответил высокий полноватый Лева, – потерпите еще немного.

– Я надеюсь, разница в стоимости номеров будет компенсирована? – осведомилась Алина.

– Боюсь, тогда именно вам придется ее компенсировать, – неожиданно вступил в разговор тот самый сероглазый парень, – потому что ваш «Котрей» классом выше, чем наша «Сафира».

Среди отдыхающих раздались смешки.

– Простите, я интересовалась вашим мнением? – повернулась к нему Алина, и в ее голосе Даша явственно услышала те самые сиреневые ноты, которые как будто окатывали холодом. – Кстати, воспитанные люди сначала представляются, а потом уже вступают в разговор.

– В нашем случае это необязательно, – сухо зато ответил парень, пристально глядя на Алину с каким-то странным выражением лица. – Впрочем, если вы настаиваете... Меня зовут Максим.

«Ну вот, готов очередной Алинин дыхатель», – подумала Даша. И удивилась – мысль была неприятной.

– А я – Даша, – внезапно для самой себя услышала она собственный голос. Теперь все обернулись посмотреть на нее, и Даша почувствовала себя полной, круглой, как колобок, идиоткой.

– Ну что ж, а я – Елизавета, – неожиданно представилась полная дама с кудряшками. – Очень приятно.

– Борис, – приподнялся с места уже знакомый Даше по совместному обеду брат Никиты.

Среди туристов опять поднялся шум, но на сей раз он был совершенно иным – люди знакомились, выясняли, кто чей земляк, и в этой суматохе Лева с Машей потихоньку исчезли.

– Поздравляю! На целых две секунды ты оказалась в центре внимания, – услышала Даша и обернулась к Алине.

– При чем тут центр внимания? – пробормотала она. – Ты же сама предложила представляться.

– Да-да, а ты просто удачно воспользовалась моим предложением, – кивнула Алина, отвернулась от оторопевшей Даши и направилась к выходу из отеля.

Глава 3

У маленькой Алины Винницкой была очень красивая мама, Алина знала это с самого детства, но не так, как знает большинство детей, – «у меня самая красивая мама!», а по-другому. Это знание подкреплялось фразами, брошенными другими взрослыми, а еще взглядами мужчин, и женщин тоже.

В первом классе Алина как-то раз подслушала разговор двух учительниц, из которых одна была ее классной.

– Такая красавица. И такая вежливая... – говорила молоденькая Ирина Семеновна учительнице старших классов, которую взрослые дети почему-то звали Лампедузой.

– Да, хороша, – неохотно соглашалась Лампедуза. – И девочка на нее похожа. Впрочем, может, израстется со временем, станет похожа на отца... – В голосе ее прозвучала легкая надежда на то, что так оно и случится и маленькая голубоглазая Алина не вырастет в такую же красавицу, как ее мать. – Ирина Семеновна, прикройте дверь, пожалуйста. Сквозняк такой ужасный...

Алина поспешно отбежала от двери и спряталась в туалете. Значит, ее мама красавица, а папа нет. Но она все равно будет похожа на маму. Так все вокруг твердят! И если будет делать все так, как говорит мама, то точно будет похожа!

Лидия Винницкая, мама Алины, знала, что основное до-

стоинство женщины – красота. Красивым легче жить, если только они сами не осложняют себе жизнь собственной глупостью. Собственную дочь она всегда считала если не дурнушкой, то девочкой с совершенно невыдающейся внешностью. На самом деле Алина была красивым ребенком: с тонким, нежным личиком, с густыми вьющимися волосами редкого оттенка и очаровательной улыбкой. Но ее мать этих черт не видела. Она видела неуклюжую, вечно все задевающую и все роняющую девочку со слишком длинными руками и тонкими жеребьячьими ногами. И Лидия Винницкая сделала все, что могла, чтобы «улучшить породу». С четырех лет Алина занималась танцами, с пяти – плаванием в бассейне, в семь прибавилась гимнастика.

Лидия Валерьевна не собиралась делать из своей дочери спортсменку. Нет, упаси боже! Просто она хотела, чтобы девочка была «гармонично развита». Под гармоничным развитием понимались красивая грудь, попа, ноги и обязательно – осанка. Когда Алина неожиданно начала сутулиться, Лидия Винницкая не стала тратить деньги на корсеты и прочую ерунду. Она пару раз хлестнула дочь ремнем по спине, чего вполне хватило: чуть заметив за собой, что опять сутулится, Алина вздрагивала и выпрямлялась, даже если сидела на уроке. «Палку проглотила, дылда!» – дразнили ее мальчишки, но Алина старалась не обращать на них внимания. Иначе она стала бы не похожа на свою прекрасную маму.

К восьми годам к гармоничному развитию прибавились

уроки рисования и музыки, потому что правильно воспитанная девочка должна уметь хоть чуть-чуть рисовать и музицировать. Рисование у Алины шло хорошо – она любила занятия и с удовольствием проводила время в художественной школе. Девочка прекрасно чувствовала цвет, и Лидия Винницкая даже повесила в своей комнате «Портрет мамы с букетом мимозы», написанный Алиной. Педагоги честно говорили, что большим художником девочка никогда не станет, но способности у нее очень неплохие.

А вот с музыкой вышло хуже. У Алины начисто отсутствовали слух и голос, и, как ни занимались с ней в музыкальной школе, особым успехом старания учителей не увенчались. Она, конечно, научилась брэнчать на пианино и даже могла при необходимости извлечь из инструмента подобие «Лунной сонаты», но все это было не то, на что рассчитывала ее мама. А петь Алине вовсе оказалось противопоказано: стоило ей начать петь, как ее нежный голос терял всю свою нежность и становился неприятно металлическим, скованным, зажатым. Помучившись с дочерью, Лидия Валерьевна поняла, что здесь она против природы бессильна, и Алина бросила ненавистную «музыкалку».

Но Винницкая-старшая не забыла о своем поражении и, поскольку больше отыгрываться за него было не на ком, сполна отыгралась на Алине. Она не обладала хорошим чувством юмора, зато обладала отличным чувством сарказма, а оно позволяло ей находить болезненные места в душах близ-

ких. Для Алины таким местом были воспоминания о музыкальной школе, где она чувствовала себя неудачницей, где над ней смеялись дети, где снисходительно пожимали плечами учителя. Те самые учителя, которые должны были восхищаться ею и хвалить ее! Все это мама припоминала ей при любом удобном случае, получая странное удовольствие при виде скисшего лица дочери. Она могла одной репликой испортить Алине настроение на весь день, одним смешком заставить дочь расплакаться. Это оказалось гораздо действеннее, чем любая угроза или брань.

Когда Алине исполнилось десять, Лидия Валерьевна заметила, что у дочери испортилась походка – она стала подпрыгивать на ходу и широко размахивать руками. Ремень в данном случае был бесполезен, поэтому Винницкая несколько раз жестоко высмеяла дочь в присутствии мальчика, который нравился Алине. А высмеивать Лидия Валерьевна умела в совершенстве. С тех пор Алина следила за своей походкой и на улице старалась не бегать, а идти красиво, как мама.

Но самое главное, мать привила Алине знание правил хорошего тона. Говорить негромко, пользоваться салфетками, уметь грамотно наносить макияж, одеваться всегда уместно случаю, знать этикет – это была только верхушка айсберга. Главное, что знала вслед за мамой маленькая Алина: все, кто не следует правилам хорошего тона, – люди второго сорта. Слово «быдло» Алина не употребляла, потому что оно было слишком грубым для дамы, но иногда произносила про себя

– например, применительно к соседям, у которых на обеденном столе не имелось салфеток.

Подростком Алина выделялась среди других детей. Тонкая, грациозная девочка с аристократической бледностью – Лидия Валерьевна не признавала солнечного загара, считая его исключительно вредным для кожи, – она ощущала собственную необычность, и другие дети ощущали ее тоже. Нельзя сказать, что Алину любили, но ей завидовали, и почти все девочки в классе пытались подражать. У Алины был вкус, у Алины была фигура, у Алины был ум – и Винницкая-старшая имела все основания рассчитывать, что у дочери в скором времени будет очень, очень достойный муж.

И надо же было случиться такому, что в двадцать два года Алина по большой влюбленности выскочила замуж за самого обычного служащего из какой-то маленькой, невзрачной конторы. За клерка, как называла его Лидия Валерьевна. Это был удар для матери, которая растила Алину вовсе не для того, чтобы ее дочь ждала судьба серого большинства. Нет, Алина должна была выйти замуж удачно – то есть так, чтобы обеспечить матери безбедную старость, ибо на мужа Винницкая-старшая надеяться не могла. В идеале супруг должен был увезти Алину за границу, чтобы чуть позже Лидия Валерьевна имела возможность приехать к дочери в какую-нибудь тихую европейскую страну с мягким климатом и низким уровнем преступности.

И что вместо этого?! Мальчик из провинциального город-

ка, из провинциальной семьи и с провинциальными замашками! Никаких перспектив на зарабатывание больших денег, поскольку нет связей. К тому же у него имелось в наличии всего два костюма – один выходной, второй повседневный, а подобное, с точки зрения Лидии Валерьевны, ставило крест на любом мужчине.

Алина была влюблена в мужа, очень влюблена, что не мешало ей трезво оценивать его достоинства и недостатки. Она понимала, что над супругом еще работать и работать. Постепенно у клерка появился третий костюм, за ним четвертый. Да не купленный в магазине, а пошитый на заказ. Он приучился складывать носки в отдельный короб, а не в общую корзину для белья. Застольный этикет дался ему на удивление легко – через каких-то пару месяцев после свадьбы он мог бы есть устриц как заправский аристократ, поскольку Алина научила его и этому. Ее не смущало, что устрицы в их жизни появлялись только на картинках – зато ее супруг верно приближался к людям первого сорта, которые это все умеют и делают непринужденно и с легкостью.

Однако после устриц дело застопорилось. Клерк отказывался смотреть фильмы Феллини, которые должны были знать все образованные люди, потому что ему не нравился Феллини. Алина пыталась объяснить, что это не имеет значения, что есть вещи, которых стыдно не знать, поскольку незнание их делает его человеком второго сорта, но клерк оказался неожиданно несговорчивым в данном вопросе. Он

по десять раз перечитывал «Мастера и Маргариту», хохоча над тем, что совершенно не казалось Алине смешным, но не хотел читать ни Чехова, ни Достоевского.

– Алин, я их не люблю, – оправдывался он. – И вообще, устал ужасно на работе. Я Достоевского еще по школе помню – мать страшная, для мозгов вредная.

Он наотрез не хотел идти на выставку «Нового фотографического искусства» и ей подобные, на которых обязательно нужно было быть Алине, чтобы потом обсуждать их с маминными знакомыми. Зато бесцельно шатался по ближайшему лесопарку. Смысл «Черного квадрата» Малевича оставался для него совершенно неясным, а когда Алина рассказала ему существующие на сей счет теории, он обозвал их мозготрахательными. Причем при Алининой маме!

Они развелись спустя три года, когда Алина окончательно поняла, что не сделает из мужа ровню себе. Она устала от постоянных скандалов, которыми изматывала ее мама, устала от сопротивления супруга, не желавшего меняться в лучшую сторону. Алина применила по отношению к нему все средства, какие могла, – даже не разговаривала пару месяцев после очередной ссоры, надеясь, что муж поуменет и начнет считаться с ее мнением. Ничего не помогло.

Она пришла в себя после развода и решила: больше никаких браков по любви! Только по расчету. По грамотному, правильному расчету. Вот тогда будет счастье и ей, и маме.

После обеда Даша не пошла на море, а осталась вместе с Алиной загорать у бассейна и общаться с Никитой, Борисом и Аллой. Она сама не могла бы объяснить причину своего поступка, потому что лежать у бассейна с совершенно неинтересными ей людьми и купаться в хлорированной воде не хотелось, а хотелось смотреть на синие волны и шевелить пальцами в горячем песке.

Но она осталась.

И вот уже битый час слушала разглагольствования Бориса о его роли в бизнесе. Хотя бизнес был не его, а Никиты, рассказывал о нем именно Борис: важно, с многочисленными подробностями и многократно повторяемым сочным местоимением «я». В конце концов в середине его захватывающего рассказа о том, как он «правильно принес что-то нужным людям», Даша не выдержала, извинилась и поднялась, чтобы искупаться, хотя купаться ее совершенно не тянуло.

– Борька, наши дамы уже заскучали, – усмехнулся Никита, бросая взгляд на Алину, растянувшуюся не на лежаке, а на полотенце, – давай сменим тему и начнем хоть анекдоты травить, что ли.

– Перестань, Никит! Вот мне так даже очень интересно. Да и мы всего каких-то два часа слушаем, – неожиданно произнесла нараспев Алла и, протянув холеную руку, потрепала

его по волнистым темным волосам.

Жест показался Даше настолько интимным, что она опустила глаза, а когда подняла, все было по-прежнему. Никита, улыбаясь, глядел на Алину, Алла прикрыла глаза, и только Борис обиженно молчал, пытаясь, видимо, выудить из памяти наименее неприличный анекдот.

Даша быстренько окунулась, а когда вернулась обратно, их компания увеличилась на двоих.

– Даша, познакомьтесь, – сказал Никита, – это Женечка и Сонечка. Наши очаровательные москвички просто жаждут познакомиться с вами.

Даша не была очень проницательной, но даже ей было очевидно, что Женечка и Сонечка жаждали познакомиться во-все не с ней. Девушки посмотрели на нее круглыми птичьими глазами, молча кивнули и о чем-то зачирикали с Никитой и Борисом. Даша задремала, улеглась и даже сквозь сон улавливала обрывки фраз: «как, неужели у Версаче», «ну, вообще-то Пугачева свой креатив уже исчерпала», «ах, франчайзинг, ну конечно». На последней фразе Даша решила, что она уснула и видит неприятный сон, а значит, пора просыпаться.

– Простите, можно узнать, что такое франчайзинг?

Даша открыла глаза, поняла, что вовсе не спит, и посмотрела на Алину, задавшую вопрос. В воздухе повисло молчание.

– Что вы спросили? – уточнила Сонечка, подавшись к

Алине всем декольте.

– Я спросила, что такое франчайзинг, – повторила Алина. – Понимаете, мы в Питере совсем отстали от жизни, а в Москве я не так давно, в отличие от вас. – Алина усмехнулась, а Сонечка и Женечка, наоборот, перестали улыбаться. – Вот я и спрашиваю значение тех слов, смысла которых не знаю, чтобы не казаться в приличном обществе совсем уж необразованной.

Сонечка и Женечка продолжали без всякого выражения смотреть на Алину, Алла прищурилась по-кошачьи и откинулась на спинку лежака. Молчание затягивалось.

– Алиночка, я не могу представить себе такое общество, в котором вы могли бы показаться необразованной, – спас ситуацию Никита. – Я уже успел убедиться в вашей эрудированности и теперь хотел бы убедиться в том, что плаваете вы так же хорошо, как отгадываете кроссворды. Вы составите мне компанию? – Он поднялся с лежака и протянул руку Алине.

Алина неторопливо подала ему тонкую загорелую ладонь, грациозно встала, улыбнулась Даше и, не взглянув на все еще молчавших Сонечку и Женечку, направилась к бассейну.

«Так, все, хватит с меня зоопарка, – решила Даша. – Пойду на море. Там, во всяком случае, нет знакомых, и в данном случае это не может не радовать».

Объяснив Алле и Борису, где она собирается купаться, Даша подхватила полотенце и перебралась на берег. Она на-

шла свободный лежак, оттащила его подальше от основной массы загорающих, легла на живот и принялась смотреть на море. Солнечных очков у нее не было, приходилось щуриться, чтобы не слепило солнце, и Даша некстати вспомнила, что от этого образуются ужасные, страшные, грубые морщины. «Ну и пусть! – успокоила она себя. – Буду вся морщинистая, как черепаха. А что, даже забавно... Назову себя Тортиллой – не ново, зато имя редкое, и буду глядеть на всех глазами, в которых отражается мудрость веков. По-моему, черепахи именно так и смотрят. Надо потренироваться».

Разыгравшаяся Даша села и принялась прищуриваться так и эдак, пытаясь изобразить мудрость веков. Когда, по ее мнению, она достигла значительных успехов, рядом с ней раздался голос, заставивший ее вздрогнуть:

– Девушка, вы почему на меня так странно смотрите? У вас все в порядке?

Даша часто заморгала, потеряла глаза и увидела, что недалеко от нее сидит на песке тот самый Максим, на которого произвела сильное впечатление Алина. Вблизи он показался ей старше. Серые внимательные глаза, светлые волосы ежиком, худощавая спортивная фигура... «Полностью мой типаж», – промелькнуло у Даши в голове, но она сразу отогнала наглую мысль.

– Да, у меня все в порядке. И я вовсе не на вас смотрела. Просто есть такое специальное упражнение для глаз... – пробормотала Даша, понимая, что черепахой ей никогда не

быть, потому что они умные. – Нужно смотреть по-особому, и тогда зрение будет хорошим.

– Интересно. А вы меня не научите? – отозвался Максим. – А то у меня работа связана с компьютером, и зрение последний год катастрофически падает.

– А что у вас за работа? – попыталась Даша неуклюже сместить тему. – Вы программист? Или... м-м... веб-дизайнер? – «Ах, франчайзинг!» – почему-то всплыло у нее в голове.

– Нет, все не так запущенно, – рассмеялся Максим. – Я обычный юрист в обычной корпорации. Но, сами понимаете, документы приходится делать на машине.

– На какой машине? – не поняла Даша.

– Да на компьютере же, – удивленно посмотрел на нее Максим.

В этот момент веселая компания, которую Даша помнила еще по автобусу, под предводительством Василь Семеныча, решила перебраться из тени на солнышко, и накачанные парни, весело гогоча и перебрасываясь незамысловатыми шутками, перенесли лежаки почти вплотную к ее собственному.

– Олежек, сгоняй за пивком к черномазым! – громогласно провозгласил Василь Семеныч. – Но скажи, чтоб мочой не разбавляли.

Громкое ржание показало, что шутку оценили.

– Василь Семеныч, черномазые в Африке, а здесь – чурки турецкие, – заметил один из компании, со странным прозвищем Буфер, которому Даша уже успела подивиться.

– Да мне по хрену, черномазые или чурки, – рявкнул Василь Семеныч, – главное, чтобы выжрать давали!

– Послушайте, вы не хотите пройтись по берегу? – неожиданно спросил Максим. – А то здесь становится слишком шумно.

Обрадованная Даша перекинула полотенце через плечо и побрела по пляжу, погружая пальцы ног в горячий песок.

В отель они вернулись только к ужину, и Даша сама не заметила, как пролетело время. Этот обычный парень ее почему-то немного смущал, но с ним было так легко общаться, он так весело смеялся ее шуткам, что в конце концов она совсем перестала стесняться и даже рассказала ему про черепашку Тортиллиу.

– Кто вас так настрашал морщинами? – просмеявшись, спросил он.

– Алина, моя... – Даша замялась. – Девушка, с которой мы отдыхаем.

– Ваша подруга? – уточнил Максим.

– Не совсем.

Врать Даша не хотела, а объяснять правду тем более. В конце концов это было только ее дело.

– Перестаньте забивать себе голову ерундой, – авторитетно заявил Максим. – Я про морщины, – пояснил он, поймав ее недоуменный взгляд. – Уверяю вас, что в основном ваши морщины будут определяться генетикой, а вовсе не тем, что вы десять минут шурились на солнце.

– Откуда у вас такие познания? – улыбнулась Даша.

– Видите ли, я был женат. А когда несколько лет проживешь в браке, то начинаешь разбираться в вещах, очень, казалось бы, от тебя далеких. Таких, например, как морщины.

Даша промолчала. Его упоминание о браке что-то нарушило в разговоре, что-то легкое, непосредственное, из-за чего последний час и был для нее таким приятным. Дашу словно отгородило от Максима невысокой, но плотной стеной. Она не хотела анализировать его слова, не хотела проверять его на наличие следа от кольца на безымянном пальце. Это было ей противно. Но его слова заставили ее подумать об этом, что уже было плохо и тягостно.

– Пойдемте на ужин, – помолчав, предложил Максим, – а то ваши друзья вас совсем потеряют.

– Какие друзья? – удивилась Даша. – Я здесь почти никого и не знаю.

– Ну как же, а та шведская семья, с которой вы общались у бассейна?

Его слова так совпали с ее мыслями, что Даша чуть не вздрогнула и подозрительно посмотрела на Максима.

– Да я ничего плохого не имею в виду, – отозвался он на ее невысказанный вопрос. – Просто они ходят всегда втроем, вот я и выразился, наверное, немного неудачно.

«Очень даже удачно», – подумала Даша.

За ужином Алина сообщила, что наконец-то их переселяют.

– Даш, не хочешь до переезда зайти в магазинчик по соседству? Он прямо рядом с отелем. Пойдем прогуляемся...

– А что там?

– Да так, безделушки всякие, украшения... Ну Даша, будь же ты настоящей женщиной! – протянула Алина, заметив отсутствие энтузиазма с Дашиной стороны. – Что должно нравиться настоящей женщине? Украшения, меха и мужчины. Именно в таком порядке. Пойдем, будем развивать в тебе вкус.

Дашин вкус Алина развила, купив себе кольцо из белого золота с каким-то голубым камнем, прозрачным, как вода. Продавец сказал название, но Даша тут же его забыла. Кольцо в самом деле было очень красивым и на тонких Алининых пальцах смотрелось прекрасно. Довольная Алина повертела рукой, перемерила несколько цепочек и браслетов, подходящих к украшению, присмотрела какие-то серьги стоимостью с Дашину месячную зарплату и долго уговаривала Дашу их купить. Наконец, махнув на Дашу рукой, вышла из магазина. Даша попрощалась с продавцом, посмотрела на часы и обнаружила, что им уже пора быть в номере.

Пока они собирались, прошло не меньше часа, и носильщик перенес их вещи в «Сафиру» уже около одиннадцати. Тут обнаружилось, что им опять достался номер около лестницы на втором этаже.

– Черт возьми! – выругалась Алина. – Нас, в конце концов, поселят нормально или нет?!

– Да ладно тебе... – примирительно отозвалась Даша. – Зато здесь хороший вид из окна, прямо на клумбу, и к тому же тихо.

– Пока тихо! – огрызнулась Алина. – Посмотрим, что ты скажешь в час ночи.

Вечером, когда Даша расчесывала волосы перед сном, Алина поинтересовалась:

– А куда ты пропала перед ужином? Да еще так загадочно...

– Никуда, просто гуляла по берегу.

Волосы были еще влажные, и она взяла с полки фен.

– Даша, сколько раз тебе говорить! Никогда не суши волосы феном, иначе испортишь к сорока годам всю шевелюру. Только полотенцем! А здесь фен вообще ни к чему, сами к утру высохнут. Всему вас, молодежь, учить надо. Или ты собираешься трясти хаером на дискотеке?

– Да ну тебя! Смеешься, что ли?

Но фен Даша все-таки положила на место.

– Между прочим, я всего на четыре года младше тебя, – напомнила она. – А ты сама куда-то идешь?

Только сейчас она обратила внимание, что Алина и не собирается переодеваться. Более того – даже не смыла макияж.

– Иду, – промурлыкала Алина. – А маленькие девочки ложатся спать... Ну все, пока! – Она помахала Даше, взяла серебристую сумочку в тон своим волосам и вышла из номера.

Даша посмотрела на себя в зеркало и поняла, что спать ей

совершенно не хочется. Но идти на дискотеку она не собиралась. «Пойду поброжу по парку, – подумала она, – заодно сон нагуляю».

Парком в «Сафире» называлась небольшая аллея из пальм и кустов, которые были очень похожи на единственное известное Даше комнатное растение под названием розан. Только в Турции пресловутый розан был в десять раз больше и цвел не красными цветами, как у нее дома, а розовыми и белыми. Разглядывая цветы, Даша медленно побрела по дорожке.

Аллея привела ее к пирсу, на котором никого не было, кроме одинокого курильщика, методично сплевывавшего в море. Фу, подумала Даша, и стала смотреть в другую сторону. На темном море выделялись белые барашки, заметные даже в темноте. Ветер разбивал волны о пирс, морские брызги долетали до лица, и ей нравилось слизывать с губ соленую воду.

– Слушай, тебя ведь Дашей зовут?

Задумавшись, она не услышала, как курильщик подошел к ней. Кивнула, взгляделась в него и узнала аниматора Колю, попавшего ей мячом по голове.

– Скажи, как зовут твою подругу? А то со мной она особо и не захотела общаться.

– Слушайте, – рассердилась Даша, – налаживайте с ней контакты сами и не впутывайте меня!

– Ого, какие ты слова умные говоришь! – ухмыльнулся

Коля. – Контакты... Да ладно, у меня все равно сегодня свидание. С девчонкой почти такой же масти, как и твоя подружка. А имя узнать не проблема, посмотрю в записи регистрации, и все дела.

– Ну и посмотрите!

Неожиданный сильный порыв ветра окатил её джинсы до колен соленой водой.

– Ой! Вот и искупалась! – раздраженно пробормотала Даша.

Коля усмехнулся, оглядев ее с ног до головы.

– А я на сегодня накупался, даже ногу свело... – И он задрал штанину, продемонстрировав Даше накачанную икру. – Не уверен, смогу ли завтра в бассейне сусликов гонять. Ну ладно, покедова!

Парень развернулся и вразвалку зашагал по аллее. Даша потопталась еще недолго на пирсе, а затем пошла к корпусу. Стоять у моря ей расхотелось.

Возвращаясь, она опять стала рассматривать крупные белые цветы на кустах, которые так и звала розанами. Даше очень хотелось сорвать хотя бы один и посмотреть, насколько он отличается от своего российского родственника, но днем она стеснялась. «Ничего, – сказала она самой себе, – здесь никого нет, никто и не увидит. И потом, я ведь только один возьму».

Оглядевшись по сторонам, Даша зашла за куст и выбрала самый большой цветок.

– Да мне плевать, что они хотят! – раздалось прямо перед кустом. Даша дернулась и вместо цветка обломилась всю ветку. – Я нормально вкалываю на них, уродов, выкладываюсь по полной программе, а меня второй месяц мурыжат с бабками. И босс, сука, морду воротит. Да если я захочу, в любой гадюшник здешний без проблем устроюсь, меня еще упрашивать будут. Здесь Колю все знают, знают, как я сусликов развлекаю! Блин, ни капли в рот не взял за последние два месяца...

Негромкий женский голос что-то ответил, удаляясь, и Даша разобрала только Колины слова:

– Вот ты мне, дорогая, и поможешь.

Прошуршали шаги по гравию, и все стихло. Даша, держа в руках обломанную ветку, выбралась на аллею. «Ну вот, набрала цветочков», – подумала она и бросила ветку в траву. Ветка зашуршала очень громко, Даша посмотрела вниз и только тут поняла, что звуки раздаются рядом с тем кустом, за которым она стояла. Кто-то выбирался из зарослей, но не в сторону аллеи, а в противоположную – к подсобным помещениям, скрытым зелеными насаждениями. Удивленная и очень смущенная Даша постояла на дорожке, поразмышляла над количеством отдыхающих в кустах, не пришла ни к какому выводу и побрела к себе в номер.

Утром, спустившись к завтраку, Даша обнаружила, что забыла бейджик. Такие бейджики были у всех туристов в отеле: их полагалось предъявлять при входе в столовую. Даша догадалась, что это мера предосторожности от прожорливых туристов из соседних отелей, вознамерившихся полакомиться «на халяву».

– Алин, займи мне место около окна, – попросила она, – я сейчас!

Возвращаясь обратно через холл, она заметила, что навстречу ей прошла бледная светловолосая Маша, которую догонял Лева. Лица у обоих были совершенно застывшие. Даша остановилась около фотографий, на которых был запечатлен сплав по горным речкам, и залюбовалась живописным пейзажем.

– Да какая разница, все равно консулу надо звонить, – услышала она раздраженный Машин голос.

А через секунду та пролетела мимо Даши в обратную сторону. За ней с какими-то простынями в руках проследовал Лева.

Пока Даша стояла около стенда с фотографиями, из коридора выскочила девушка в униформе, подбежала к стойке регистрации, набрала какой-то номер и, оглядываясь, стала негромко и очень быстро о чем-то говорить невидимому со-

беседнику.

«Да что у них происходит? – удивилась Даша. – Сначала наши гиды отчего-то разволновались, теперь сотрудница отеля...» Мимо нее торопливо прошел толстый пожилой плешивый турок и скрылся в комнате для персонала. Даше было слышно, как он разговаривает с кем-то, причем, судя по тону, отдает приказания. Когда спустя некоторое время он вышел, рядом с ним шли два парня с такими же озабоченными лицами, какие были у Маши и Левы. На Дашу троица даже не взглянула.

Внезапно Дашу охватило непонятное чувство тревоги. Она прекрасно понимала, что переполох мог быть вызван чем угодно, любой неполадкой, но чувство тревоги не только не отпускало, но становилось все сильнее. Забыв про завтрак, она направилась в коридор вслед за исчезнувшими там турками и около номера, расположенного возле лестницы, столкнулась с выходящим из него человеком в белом халате и следовавшим за ним Левой. Как хвост, подумала Даша и осторожно тронула его за рукав. Эффект был неожиданным: Лева подпрыгнул и уставился на Дашу встревоженными глазами, явно не узнавая ее.

– Здравствуйте, меня зовут Даша, я из вашей группы, – быстро проговорила она. – Скажите, пожалуйста, что у вас случилось?

– Да ничего не случилось, – глядя вслед уходящему медику в белом халате, пробормотал Лева. Светлые волосы на его

голове были взъерошены, а воротник обычно отглаженной и аккуратной белой рубашки смят и не застегнут. – Экскурсии будут как обычно, по расписанию.

– Я не про экскурсии вас спрашиваю, – проявила Даша настойчивость, – а про то, что произошло. Может быть, я смогу помочь?

Чем помочь, она и представления не имела, учитывая, что медицинского образования у нее не было. Очевидно, та же самая мысль пришла в голову Леве. Он недоуменно взглянул на нее и внезапно расхохотался.

– Помочь? – переспросил он. – Нет, искусственное дыхание делать уже поздно.

– Какое дыхание? – уточнила Даша, решив, что ослышалась.

– Никакое, – зло ответил Лева. – Аниматор наш, Николай, утонул нынче ночью. Тело парни с катера выловили, когда приплыли к берегу с утра пораньше. Вот ждем полицию. Надеюсь, вы не станете обсуждать происшествие за завтраком? – Он пристально посмотрел на нее. – Очень сильный удар по репутации отеля, не нужно трепаться со всеми подряд.

Даша ничего не успела ответить про «трепаться», из комнаты вышла Маша и кивком головы позвала своего напарника обратно. Даша пошла в свой номер, забыв, что собиралась позавтракать. Дошла до двери, посмотрела на желтую ручку и повернула обратно. Когда она уже была около столовой

и, не глядя на охранника, показывала бейдж, навстречу ей быстрыми шагами вышла Алина.

– Даш, да ты что, уснула, что ли? – возмутилась она. – Или ты бирку потеряла?

Даша не успела ничего придумать, Алина пристально посмотрела на нее, взяла под руку и отвела в сторону.

– Что случилось? – понизив голос, спросила она. – Даш, что случилось, кто-то позвонил?

– Да нет, просто я долго искала эту штуковину. – Даша показала на бейджик, презрительно названный Алиной «бирка».

– Знаешь, милая, врать ты совершенно не умеешь, – холодно проговорила Алина. – Не хочешь объяснять, дело твое, я к тебе в подруги не напрашиваюсь.

Она повернулась и пошла по направлению к бассейну.

– Алин, погоди! – Даша догнала ее. – Просто я никак в себя не приду. Ты только, пожалуйста, не говори никому, хорошо? Мне сейчас сказали, что тот парень, который туристов должен развлекать, утонул.

– Утонул? – Алина обернулась к Даше и остановилась. – Когда?

– Как я поняла, ночью, – растерянно проговорила Даша. – Но вообще-то не знаю.

Алина постояла молча, нахмурившись.

– Даша, я все равно не понимаю, – наконец заговорила она, – тебя-то почему так его смерть расстроила?

Даша недоуменно посмотрела на нее.

– Совершенно незнакомый тебе человек, – объяснила Алина. – Извини, может, звучит и грубо, но какая тебе разница, живой он или мертвый? В конце концов, он и аниматором, в общем-то, был посредственным. Я бы на твоём месте не принимала его смерть так близко к сердцу. Иди позавтракай, сегодня отличный творог. Я у бассейна буду, там же, где в прошлый раз.

Глядя вслед уходящей Алине, Даша и сама не могла бы объяснить, почему смерть аниматора так подействовала на нее. Может быть, потому, что курортное местечко, куда она приехала отдыхать, менее всего ассоциировалось со смертью. Или потому, что странно было представлять себе покрытое простыней тело человека, который еще вчера демонстрировал загорелые ноги и собирался встречаться с какой-то женщиной. Она не знала. «Он мне никто, – повторила она про себя, – он мне никто. Он и аниматор-то был посредственный». Но это не помогло. Она смотрела на синие волны, а внутри поднимался страх.

Глава 4

К вечеру уже весь отель бурно обсуждал произошедшее. Женечка и Сонечка, опять загоравшие рядом с ними у бассейна, объявили, что просто аниматор напился вечером, решил искупаться, а ночью были такие ужасные волны, ну вы же помните... Даша старалась не глядеть в их круглые глаза. Чем-то неуловимо похожие друг на друга, обе невысокие, ладненькие, хорошенькие и бодренькие, Женечка и Сонечка напоминали ей двух соек, прилетавших к их дому в Бабушкине по утрам. Даше птицы нравились до тех пор, пока не начинали издавать странные, режущие ухо звуки. Вот и сейчас ей хотелось заткнуть уши и кинуть в них старым ботинком, чтобы они улетели. Беленькая Сонечка заметила выражение ее лица и спросила:

– А вам что-то не нравится, Даша? Может, вы с нами не согласны? – И переглянулась с прищурившейся Женечкой.

– Я не думаю, что он утонул, потому что был пьяный, – сдержанно ответила Даша.

– Да ладно! – вступила Женечка. – Здесь все мужики пьют, как лошади, а еще... – Она хихикнула и замолчала.

– А еще трахаются, как кролики, – закончила за нее Алина. – Должно быть, он был пьяный и затраханый.

Почему-то любое грубое выражение из уст Алины казалось грубым вдвойне, может быть, потому, что резко кон-

трастировало с ее чуть высокомерной манерой держаться, с общим впечатлением *породистости*. Это уловили даже Женечка и Сонечка.

– Зачем так грубо? – протянула Женечка. Хотела добавить что-то еще, но, встретив Алинин взгляд, замолчала.

– Может быть, замечено и не очень деликатно, но верно, – вступил в разговор Никита. – Однако должен вам сказать, дорогие барышни, – обратился он к девушкам, – что уважаемая Даша права абсолютно, пьяным он быть никак не мог. В нашем отеле, и вообще в большинстве других, правила по отношению к аниматорам достаточно строгие, а к русским особенно, учитывая некоторую... ну, скажем так, национальную специфику. Напиваться им нельзя, иначе выгоняют сразу. А бедный покойный Николай находился у дирекции в черном списке. Или не у дирекции, а кто тут у них... В общем, у хозяина. Не резон ему было пить, вовсе не резон, если только он за место держался.

Алина посмотрела на Никиту удивленно:

– Откуда такая осведомленность?

– Я, дорогая Алина, должен знать все и обо всех, у меня работа такая, – отшутился Никита. – Хотя, конечно, вы для меня – загадка.

Он галантно склонился к ее руке, а Даша поймала взгляд Аллы: совершенно кошачьими глазами, темными, непроницаемыми, та смотрела, как Никита прикасается губами к тонкой руке Алины. Темный камень на ее шее показался Да-

ше третьим глазом. В этот момент на пляже раздался чей-то вскрик, Никита быстро повернулся на звук и встретился глазами с Аллой. Несколько мгновений они, не отрываясь, смотрели друг на друга, потом на губах мужчины заиграла неприятная полуулыбка, и Алла отвернулась. Смущенная Даша потянулась к сумке, чтобы достать совершенно ненужный ей крем.

Знает он все и обо всех, подумалось ей, как же... Вот прекрасные способности по пусканию пыли в глаза! Конечно, если сказать, что подслушал разговор, сидя в кустах, будет вовсе не так эффективно, как проявить осведомленность об отношении хозяина отеля к служащим. А в том, что свои познания Никита почерпнул в тех же кустах, что и она сама, Даша почему-то нисколько не сомневалась.

– Алка, вставай, пойдем купаться! – Борис неуклюже поднялся и взял жену за руку. – Хватит валяться, скоро жиром покроешься.

Освободив руку, Алла ответила, не открывая глаз:

– Позаботься о своей фигуре, а о моей я сама уж как-нибудь... Не хочу купаться, ты же знаешь, я больше люблю на солнце лежать.

– Точно, как змея, – неожиданно зло проговорил Борис. – Пошли в воду, я тебе сказал!

– Ты чего к ней пристал? – спросил Никита. – Ну не хочет человек купаться, и ладно. Иди вон с Женечкой.

– Знаешь что, – обернулся к нему красный Борис, – зани-

майся-ка ты своими делами! А в мои не лезь.

– Как ты своими делами занимаешься, я уже знаю, – угрожающе проговорил Никита. – И моими, между прочим, тоже. Так что иди-ка окунись, заодно голову остудишь.

– В самом деле, Боря! – вмешалась Алина. – Возьмите Женечку и научите ее плавать как следует. А то с нее скоро кожа лохмотьями начнет слезать.

– Почему? – обиделась Женечка. – Я вообще-то тоже крепким пользуюсь. Таким же, как и ваш.

Алина снисходительно посмотрела на нее.

– Знаете, Женечка, я все-таки не имею привычки покупать косметику в метро. А ваша именно оттуда родом, поэтому вы напрасно полагаетесь на ее солнцезащитные свойства. Бесплатный добрый совет – выкиньте ваш тюбик и купите новый, а не то испортите кожу.

Женечка покраснела, поджала губы, встала и пошла к бассейну. За ней поплелся обгоревший Борис.

Даша проводила их взглядом и обернулась к Алине.

– Я пойду искупаюсь в море, мне бассейн не очень нравится.

– Да он никому не нравится, – неожиданно рассмеялась Алла. А когда Даша подняла на нее глаза, махнула рукой: – Идите, идите, не обращайтесь внимания! Я так, о своем.

– Я с тобой пойду, – легко поднялась Алина. – Не скучайте.

Она помахала Никите и пошла к морю, аккуратно огибая

стоявшие на траве лежаки. Даша догнала ее бегом и спросила:

– Алин, ты зачем так с этой девушкой, Женей? Ты же ее ужасно задела.

– Да какая она девушка! – обронила презрительно Алина. – Тебе сколько лет?

– Ты же сама знаешь, двадцать четыре.

– Ну вот, а ей больше лет на пять. Да, и дуре Сонечке тоже. Все их ужимочки, словечки, манера одеваться в стиле «я маленькая девочка, я в школу не хожу» рассчитаны на наивных людей вроде тебя, ну и на мужиков, конечно. И потом, что за отвратительная привычка у них – красить губы одинаковой помадой? Хоть бы оттенок сменили. Я к таким женщинам испытываю классовую ненависть. Впрочем, – она остановилась, – ненависть – это сильно сказано, но вот показать, кто они такие, при любой возможности, я просто считаю своей обязанностью.

Даша хотела что-то ответить, но внезапно остановилась и стала вглядываться в сторону главного корпуса, мимо которого проходила пара темноволосых, смуглых туристов – высокая девушка в синем парео и парень чуть постарше ее в мокрой майке.

– Смотри-ка, те самые итальянцы! – воскликнула она. – Помнишь, которые на таможне спорили с нашими туристами, с бизнесменами из Самары.

– Не с бизнесменами, а с барыгами, – автоматически по-

правила ее Алина. – Бизнесмены в Самаре не водятся. Кстати, мужик очень даже неплох! Да и девочка, надо признать, тоже.

Итальянцы, не подозревая о том, что их столь лестно оценивают, быстро шли по аллее, когда сзади раздался чей-то хриплый окрик:

– Эй, ты, жлоб, ну-ка стой!

Повернувшись на голос Алина и Даша увидели, что от главного корпуса девушку и парня быстро догоняет Василь Семеныч, явно вспомнивший, где и при каких обстоятельствах он их видел. Следом за Василь Семенычем бежали Буфер и Олежек, оба в красных спортивных трусах, а за ними торопился четвертый парень из компании, низкорослый вечно хмурый крепыш, ни разу не отвечавший Даше на ее приветствие.

Даша смотрела, как вся четверка догнала итальянцев, окружила их и начала что-то агрессивно втолковывать, размахивая руками. Пара сначала стояла молча, с непроницаемыми лицами, но через минуту девушка шагнула в сторону, стараясь обойти крепыша, тот заступил ей дорогу, и мужчина слегка оттолкнул его. С этого момента события приобрели стремительный характер. Крепыш без замаха, быстро и точно ударил итальянца в живот, тот согнулся и тут же получил удар по спине от Василь Семеныча. Ахнувшая Даша увидела, что девушку оттолкнули в сторону с такой силой, что та упала на траву. Пока пыталась подняться, ее спутник

получил еще несколько ударов и свалился недалеко от нее.

– Господи, что ж такое делается-то! – раздалось позади Даши, и она увидела полную женщину, замотанную в розовое полотенце. – Драка, что ли? Так надо охрану позвать!

– Не драка, а избиение младенцев, – ответила Алина. – Кстати, охрана вон уже мчится.

Со стороны пляжа и корпусов к дерущимся подбегали трое охранников, но, прежде чем они успели вмешаться, девушка вскочила наконец с травы. Невесть откуда взявшейся палкой она взмахнула в воздухе, причем взмахнула как-то странно, изогнувшись всем корпусом, и палка обрушилась на ноги ближнего к ней Василь Семеныча. С громким криком тот свалился и остался лежать, прижимая к себе левую ногу, а трое других застыли, глядя на девушку. Еще один взмах – и крепыш отскочил в сторону, шипя что-то сквозь зубы и потирая плечо. Подбежала охрана и повалила в траву всех, кроме девушки, которая так и осталась стоять с палкой в руках. Ее спутник поднялся и начал что-то говорить охранникам, а девушка повернула голову к Даше с Алиной, которые, оторопев, даже не двинулись с места. Внимательно посмотрев на обеих, она неожиданно забросила палку далеко в кусты и пошла вслед за охраной, уводившей всю компанию по направлению к отелю.

– Вот тебе и избиение младенцев! – помолчав, сказала Алина. – Слушай, давай тоже так научимся, а?

Даша, не отвечая, пошла к месту драки. Подойдя, она при-

нялась шарить в кустах и очень быстро нашла то, что искала. Она догадывалась, что именно найдет, и почти не удивилась. Когда к ней подошла Алина, она вертела в руках полусохшую ветку «розана», сломанную ею самой накануне вечером.

– Она что, их вот этим прутиком отделала? – недоверчиво спросила Алина. – Не может быть! Ты просто не нашла ее палку.

– Нашла, – задумчиво ответила Даша, – это именно она. Я запомнила место, куда она ее кинула.

– Ну и что? Здесь полно палок. И вообще, какая разница? Пойдем наконец купаться, а то обед.

* * *

– Я ее убью, – сосредоточенно сообщила Женечка, снимая мокрый купальник. – Слышишь, Сонька?

Соня стояла на балконе, развешивая белье, и не слышала ни слова. Снизу из бара гремела музыка, у бассейна шумели отдыхающие, плескались волны на море.

– Ты мне разрешаешь, да? – громко спросила Женечка и прислушалась. Соня стояла к ней спиной и ничего не отвечала. – Ладно, потом не говори, что не разрешала. Я подумаю, как все сделать.

Она стянула наконец с себя противный купальник и пробежалась из одного угла комнаты в другой. Расстояния хва-

тило всего на четыре шага, и Женечка в ярости пнула свой почти пустой чемодан так, что он отлетел в сторону. Ничего, не будет в другой раз на дороге лежать! Она сбросила с кровати одеяло и свернула его комом, представляя, что внутри завернута эта мразь, эта сволочь, эта гнида... Женечка с наслаждением потопталась на одеяле, помяла его руками и в завершение опустила на него чемодан. Вещи высыпались, со стуком прокатились по полу батарейки, и Соня обернулась.

– Ты что? – нахмурилась она, входя в номер. – Что такое? Зачем чемодан схватила?

– Да просто так, – улыбнулась Женечка в ответ. – Побаловаться захотелось.

– Женька, ты смотри у меня! – пригрозила Соня. – Знаю я твое «побаловаться». Собирай шмотки, скоро в столовую идти.

Торопливо рассовывая вещи по углам чемодана, Женечка представляла себе гибель «этой сволочи». Сначала – выдрать ногти. Неторопливо, чтобы кровь текла ручьями. Потом прищемить ей пальцы дверью, и пусть они ломаются с хрустом. После пальцев можно проколоть тело иголкой в разных местах. Большой иголкой, а еще лучше – маникюрными ножницами. У Соньки как раз подходящие ножницы – маленькие, очень острые, с золотыми ручками-колечками. Женечка представила, как кончики ножниц вонзаются в мягкую кожу, и почувствовала покалывание в кончиках пальцев – слабое, но очень приятное. Чтобы не спугнуть его, она за-

стыла над чемоданом, но из наслаждения этим состоянием ее вывел высокий Сонечкин голос:

– Ты что, уснула? Клади свитер в чемодан. Нет, сначала потряси его на балконе, он весь в пыли.

Скривившись, Женечка подняла с пола свитер, и покалывание исчезло. Она сморщила нос так, что лицо превратилось в злобную гримасу, но говорить ничего не стала. Сонечку нельзя ругать. В конце концов, она же разрешила сделать то, что хотелось Женечке, хотя раньше не разрешала. И, может быть, если ласково попросить, она даже согласится помочь, потому что одной убить человека не так-то просто.

* * *

Ковыряясь вилкой в баклажанах, которые сегодня почему-то казались вовсе не такими вкусными, Даша спросила:

– Алин, с чего ты взяла, что у нее крем поддельный?

– У кого? Ах, у Женечки... Да по разным деталям: понимаешь, буквы чуть-чуть иначе прорисованы, рисунок чуть-чуть смазан, ну и что-то еще, я уже не помню. И вообще она вся – как шуба из искусственного меха, только купленная не по причине любви к зверушкам, а чтобы пыль в глаза попускать.

– А по-моему, ты просто Никиту к ней немного ревнуешь, – улыбнулась Даша.

Алина отложила вилку в сторону и пристально посмотре-

ла на Дашу.

– Девочка моя, если мы с тобой вместе отдыхаем, это не значит, что ты можешь критиковать меня на правах подруги. И вообще ни на каких правах. Договорились?

Даша покраснела так, что ей стало жарко.

– Да я и не собиралась тебя критиковать, – пробормотала она. – Я просто пошутила.

– Так вот учти: мне подобные шутки не нравятся. Ну все, – Алина поднялась с места, – пойду куплю билеты на рафтинг, а ты наслаждайся баклажанами.

Глядя на ее пепельные волосы, мелькавшие в толпе, Даша подумала, что от отдыха она получает гораздо меньше удовольствия, чем ожидала. Мало того, что происшествие с Николаем никак не выходило из головы, так еще и Алина огрызается на, казалось бы, безобидные шутки. Следовало признаться самой себе, что ладить с попутчицей оказалось труднее, чем представлялось вначале.

– К вам можно присоединиться?

Даша подняла глаза и увидела Максима, стоявшего с полным подносом.

– Добрый день! – улыбнулся он. – Так я вам не помешаю?

– Нет-нет, – заторопилась Даша, – садитесь, конечно.

Она почему-то опять покраснела и, почувствовав это, разозлилась на себя. Высокий, уже успевший загореть Максим нравился ей, но вовсе не настолько, чтобы краснеть, как первокурснице, от одного его присутствия.

– Вы чем-то расстроены? – неожиданно спросил он. – Что у вас случилось?

– Неужели так заметно? – не сдержалась Даша. – Да нет, все в порядке, просто не всегда могу найти общий язык с Алиной.

– А, ваша красавица... – заметил Максим, и что-то в его интонациях насторожило Дашу. – С такими людьми всегда трудно находить общий язык.

– Почему вы так решили?

– Потому что они знают себе цену настолько хорошо, что другие рядом с ними совершенно обесцениваются. Честно говоря, эгоцентричные люди вообще не вызывают у меня особой симпатии – при общении с ними слишком многое зависит от их настроения. Вот Алина: попала ей вожжа под хвост, и она вас обидела, не задумываясь. Не спорьте, – остановил он Дашу, собиравшуюся что-то сказать. – Я же вижу, что прав. А вас я успел узнать достаточно, чтобы понять: вы-то ее ничем задеть не можете. Впрочем, не совсем так, – поправился он, – задеть как раз можете, а вот обидеть – нет.

– В чем разница? – удивилась Даша, забыв, что собиралась заступиться за Алину.

– В том, что первое получается ненамеренно, а второе делается специально. Вы ее задели, когда в холле начали представляться всем отдыхающим и переключили внимание на себя. Вы не поняли? – усмехнулся он. – А ведь было очень заметно. Да бог с ней, лучше скажите мне: вы собираетесь

завтра на рафтинг?

– Да, – кивнула Даша, воодушевленная сменой темы, – Алина как раз пошла записываться.

– Здорово! – Максим улыбнулся. – Потому что я тоже собираюсь поехать, и мне было бы очень приятно увидеть вас там.

Даша так обрадовалась, что тут же забыла про Алинины выкрутасы. Даже то, что она не знала, что такое рафтинг, и стеснялась спросить, ничуть не омрачило ее хорошего настроения.

Глава 5

К двадцати восьми годам Алина Винницкая могла бы выйти замуж раз пять, причем каждый раз за принца на белом коне. Или, по меньшей мере, за главу королевского казначейства. Во всяком случае, Лидия Валерьевна оценивала ее серьезных воздыхателей очень высоко, а она знала толк в мужьях, поскольку сама вышла замуж довольно неудачно.

Один жених Алины был предпринимателем, имевшим устойчивый бизнес, второй – сыном начальника секретариата мэра, очень многообещающим молодым человеком, третий – состоятельным иностранцем, ищущим в России талантливых художников. Четвертый вызывал у старшей Винницкой кое-какие сомнения, поскольку сам как раз и был талантливым художником. Но вот пятый... пятый блистал, как звезда, – почти популярный писатель, достаточно известный для того, чтобы зарабатывать деньги, и достаточно бездарный для того, чтобы иметь сложный характер творческого человека. В общем, сама Лидия Валерьевна жила бы с ним душа в душу, но, увы, писатель предлагал руку, сердце и часть своих гонораров не ей, а дочери. А дочь все это отвергла, и Винницкая-старшая не понимала почему.

Но Алина чувствовала, что ее судьба бродит где-то неподалеку. Бизнесмены, чиновники, художники – мелко плавающая рыбешка. Нет, Алина должна выгащить такой счаст-

ливый билет, какой и не снился ее маме. Вот тогда она сможет рассчитывать не просто на мамино одобрение, а на восхищение, а заслужить восхищение Лидии Винницкой было заветной Алининой мечтой с самого детства.

И, кроме того, она уже точно знала, чего хочет. Средний класс ее не устраивал. Машина, большая квартира, летний домик в Подмоскowie, платные учебные заведения для детей – все это хорошо, но ей не подходит. Банально и очень, очень легко достижимо. Возможность приобретать дома по всему миру, с легкостью менять страну проживания, покупать любые вещи, какие хочется – даже картины известных мастеров, – вот что требовалось Алине, и вот почему она отказывала таким бесценным, с точки зрения Лидии Валерьевны, поклонникам. Романы – это одно, но замужество – совсем другое, и вторую ошибку она не собиралась допускать.

Пару раз рядом с ней оказывались подходящие люди, и оба раза она подходила к своей цели вплотную, но каждый раз отступала. Алина вовсе не была жадной стервой, охочей до наживы. Нет, она собиралась жить со своим мужем долго и счастливо, собиралась рожать от него детей, а потому будущий супруг должен был быть не просто ходячей мошной, а еще и человеком, рядом с которым ей будет комфортно существовать. Пока же встреченные ею мужчины не подходили под этот критерий, и, убедившись в этом, Алина быстро оставляла их в покое.

Она ощущала, что может встретить *правильного* человека

в любой момент, и тогда из момента нужно будет вытянуть все, что только можно, а поэтому следует быть наготове всегда. И она ухаживала за собой, занималась спортом, поддерживая прекрасную форму, одевалась всегда так, что вслед ей оборачивались не только мужчины, но и женщины. В ней были стильность и стиль, а также шарм.

Но друзей у Алины по-прежнему не было. Во-первых, потому, что сложно было найти людей, которые могли бы ей соответствовать. Но даже когда таковые встречались, долго поддерживать близкие отношения с Алиной они не могли – их отталкивал ее тяжелый характер, отпугивала способность легко и жестоко высмеивать мельчайшие недостатки. Придя в дурное настроение, она была способна целый день тяжело молчать, время от времени огрызаясь на близкого человека без причины. К тому же Алина с возрастом становилась до мелочности внимательна к деньгам, как своим, так и чужим, потому что до встречи с вождеденным богатым мужем она могла рассчитывать только на собственные доходы, а они были далеко не столь высоки, как ей хотелось. Она легко тратила деньги на украшения, считая это неплохим вложением капитала, но до копейки высчитывала стоимость повседневного обеда в кафе и никогда не оставляла чаевых. Щедрость к себе в сочетании со скупостью к другим рано или поздно бросались в глаза каждому, кто общался с Алиной. Она давно жила отдельно от родителей, и те были очень рады: переносить общество дочери постоянно было не так уж приятно.

Поэтому, когда Алина решила отдохнуть в Турции, выяснилось, что попутчиков для поездки у нее нет. Пара девочек с работы, которых можно было захватить с собой, работали без отпусков. Две замужние приятельницы предпочитали путешествовать с супругами или с родителями и детьми, а три незамужние почему-то не рвались составить ей компанию.

Проблема, казалось, не стоила выеденного яйца – ничто не мешало поехать без спутницы и две недели отдыхать от поднадоевших клиентов, плескаясь в теплом море. Но дело было в том, что Алина ненавидела оставаться одна ночью в незнакомых помещениях – ее охватывал необъяснимый страх. Казалось, что темнота протекает в щели, что к ней протягивают щупальца неизвестные чудовища, сгущающиеся из плотного сумрака. Становилось тяжело дышать, холодный пот покрывал лоб, мелкими капельками стекая по коже. Можно было спастись, включив свет, но засыпать со светом ей было трудно. Алина боялась рассказывать о своей особенности другим людям, в том числе и матери, опасаясь насмешек и ярлыков. К сумасшествию, она знала, ее страх не имел никакого отношения, и идти к людям, именующим себя психотерапевтами, она тоже не собиралась, скептически относясь к их возможностям. Успокоительные Алине не помогали, и проще было найти на две-три недели попутчицу, которая с восторгом смотрела бы на Алину, не особенно обременяла ее и была достаточно умна, чтобы не надоесть

глупой болтовней за время отпуска.

Так она познакомилась с Дашей.

* * *

Выяснилось, что загадочный рафтинг – как раз тот самый сплав по речкам, который так понравился Даше на фотографиях. Об этом она узнала накануне вечером, проходя мимо столика с компанией Василь Семеныча, уже совершенно оправившегося и шумевшего на всю столовую о том, как они завтра утопят всех конкурентов в реке. Даша почему-то думала, что нога у него будет сломана, и ощутила разочарование, увидев, что он всего лишь прихрамывает. Обругав себя за кровожадность, она поискала глазами итальянцев и заметила их около бассейна: как ни в чем не бывало девушка и ее спутник болтали с исключительно красивым турком и его русской женой, на которых Даша и Алина обратили внимание еще день назад.

– Смотри-ка, – сказала тогда Алина. – Интересно, что их связывает? Кроме ее состояния, конечно.

Подозрения о корыстном интересе красавца-турка были вызваны непрезентабельной, как выразилась Алина, внешностью его жены. Молодая спокойная женщина не была красавицей. Ее коротко подстриженные темные волосы вились, как у молодого барашка. Лицо, на котором выделялись внимательные темные глаза, опущенные длинными ресницами,

было бы очень хорошо, если бы не тяжеловатая нижняя челюсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.